

Яков Вилькин

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАРИТЕТ

Необыкновенные
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ГЕННАДИЯ ДИОГЕНОВА

Кто из ребят не хотел бы обзавестись той чудесной машиной, похожей на старомодные часы, счастливым обладателем которой оказался ученик 6 «В» класса 151-й минской школы Генка Диогенов! С ее помощью можно переноситься в далекое прошлое нашей планеты, приоткрывать завесу над будущим. Вы скажете, что не может быть такой машины как нет в Минске и 151-й школы. Пожалуй, это верно. И все же в приключениях Генки Диогенова, рассказанных молодым писателем Я. Вилькиным, вы найдете немало интересного и поучительного.

Печатается по изданию «Необыкновенные приключения Геннадия Диогенова», Минск, Госиздат БССР, 1963 год.

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАРИТЕТ

**ЯКОВ ВИЛЬКИН
НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ГЕННАДИЯ ДИОГЕНОВА
1963**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
РАРИТЕТ

ЯКОВ
ВИЛЬКИН

Необыкновенные
приключения
Геннадия Диогенова

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ

ЕКАТЕРИНБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ "ТАРДИС"
2013

Генка Диогенов — мой давний приятель. Он учится в 151-й минской школе и живет рядом со мной, на улице Обувной. Из всех школьных предметов Генка считает стоящим только один — историю. Я — преподаватель истории, так что у нашей дружбы, как видите, вполне надежные корни.

Теперь понятно, почему о своих поистине необыкновенных приключениях Генка рассказал именно мне.

Я проверил некоторые факты, из его рассказа, и оказалось, что они почти всегда соответствуют данным науки.

Так, например, все, что рассказал Генка про маленького хищного ящера, встреченного им на берегу мезозойского озера, в точности совпадает с описаниями ископаемого ящера компсогата, который действительно жил в указанное время.

Я допускаю, что облик дореволюционного Минска Генка мог восстановить по учебникам истории. Согласен и с тем, что многие черты людей коммунистического общества можно предугадать уже сегодня. Не берусь утверждать, будто Генка сам видел Землю и Марс из космоса, а не позаимствовал их описание из отчетов советских космонавтов. Но вместе с тем в Генкином повествовании имеются и такие подробности,, достоверность которых сможет установить только будущее.

Я думаю, каждый, кто прочтет эту повесть, составит собственное мнение о Генке Диогенове и о том, насколько ему дорога правда. Мне же наиболее сомнительным кажется то обстоятельство, что Генка успел пережить множество разнообразнейших приключений, причем в различных эпохах, отделенных друг от друга десятками и сотнями миллионов лет, всего лишь за одну ночь. А может, это и есть главное доказательство существования чудесной машины времени, или, как назвал ее Генка, «Диогеновых часов», позволяющих в течение одной ночи побывать в далеком прошлом Земли и заглянуть в ее будущее?

ГЛАВА I,

в которой рассказывается об одной увлекательной книге, о двойке по арифметике, знакомстве с древним философом и о том, к чему привело это знакомство

День начался неудачно — Генка проспал утреннюю гимнастику. Вернее, не то чтобы проспал. Он слышал голос диктора, предлагавшего открыть форточку и сделать несколько глубоких вдохов. Но незадолго до этого Генке приснилось, будто он летит в космос, и ему страшно захотелось увидеть землю с высоты хотя бы ста километров.

Генка натянул на голову одеяло и стал усиленно припоминать, что рассказывал на этот счет Герман Титов. Однако сон не вернулся. Генка увидел только какую-то муть, разноцветные полосы, точки, но мерцающего вдали голубого шара так и не разглядел.

Под одеялом было душно и жарко. Никакие усилия фантазии не могли превратить эту темную нору в кабину космического корабля. Тогда Генка со вздохом сел и стал одеваться. Он натянул брюки, сунул ноги в ботинки, но тут зарядка кончилась, и диктор, шурша листами, начал читать сводку об уборке картофеля в районах области.

Генка бесцельно походил по комнате, помахал руками и хотел уже делать приседания, как вдруг заметил на столе толстую книгу в серой картонной коробке. Книга была вложена в коробку наполовину, и на краю обложки, возле корешка, отчетливо различалась чья-то лапа с длинными кривыми когтями. Генка взял коробку, вытащил книгу и увидел на глянцевої обложке безобразного ящера среди похожих на пальмы деревьев. Опираясь на кривые ноги, ящер вскинул голову и с недоумением рассматривал Генку.

Книга называлась «По путям развития жизни». Генка пролистал ее. Больше половины страниц занимали красочные рисунки. Неизвестные животные бегали в высокой траве, ползали по желтому песку, плавали, летали, гонялись друг за дружкой. Просмотрев несколько рисунков, Генка понял, что ему просто необходимо сейчас же, немедленно увидеть все, что имеется в этой загадочной книге.

Он сбегал на кухню. На прибранном столе одиноко стояли тарелки с Генкиным завтраком. Мать уже ушла на работу. Рядом с тарелкой белела записка.

Записку Генка читать не стал. Он торопливо выпил стакан молока, плеснул в лицо пригоршню воды и, вытираясь на ходу, поспешил обратно.

Стенные часы гулко пробили один раз. Половина десятого. Генка учился на второй смене, до школы времени оставалось еще много. Не раздумывая, он взял книгу, прыгнул в кровать и, подтянув повыше подушку, стал рассматривать картинки. Правда, на какую-то секунду в его сердце шевельнулась легкая тревога: уроки-то он не подготовил. Но тут на глаза попался новый рисунок — рыжий тигр с длинными, как сабли, клыками, — и нерешенные арифметические задачи показались легкими и не страшными.

В книге рассказывалось о возникновении и развитии жизни на Земле.

Сначала Генка увидел голые скалы, над которыми дымились вулканы. Такой Земля была полтора миллиарда лет назад, в эру архея. По следующим рисункам можно было проследить, как в водах древнего океана появились простейшие живые организмы: водоросли, разные моллюски, паучки. Потом Генка увидел остромордых акул, рыб, которые были похожи на крокодилов, длинношеих ящеров, зубастых птиц...

Когда он рассматривал гигантского ящера бронтозавра, часы пробили десять раз. Генка бросил тревожный взгляд на учебник арифметики, но тут же успокоился.

Он добрался уже до миоценового ландшафта, который можно было наблюдать на земле сто шестьдесят пять миллионов лет назад, когда часы пробили двенадцать. Генка хотел было подняться, даже откинул одеяло, но со следующей страницы на него глянул такой свирепый носорог с шестью рогами на шишковатом лбу, что он не выдержал и остался в постели.

Разглядывая похожего на слона динотерия, он вдруг понял, что подготовить домашние задания уже не успеет. Несколько секунд сидел с обреченным видом и вздыхал. Но время было упущено. Генка снова лег и стал смотреть дальше.

Книга заканчивалась изображением первобытного человека. Затем шла страничка с геохронологической таблицей, где указывались продолжительность и очередность различных эр, периодов и эпох истории Земли. Генка несколько раз перечитал таблицу и, наконец, с сожалением закрыл книгу.

Часы показывали двадцать пять минут второго, а ровно в два в школе начинались занятия.

Генка спрыгнул с кровати, торопливо зашнуровал ботинки, запихнул в портфель учебники и тетради и побежал в школу.

Генка никому бы не признался, что он любит свою Обувную улицу. Да и как любить улицу? Это же не халва и не яблоки. Улица — это улица. Ряд домов, а между ними дорога,

чтоб машины ездили. Но где-то в глубине души Генка был очень привязан к своей улице и жалел, что она такая незаметная. Да и названьице у нее! У других улиц имя какого-нибудь героя, например, имени Мясникова, имени Гастелло или — тоже неплохо — Республиканская, Красноармейская, Танковая... А здесь — Обувная!

Когда Генка был маленький, на Обувной улице стояли только низкие деревянные домики с темными щелястыми заборами и шершавыми скамеечками у калиток. На Генкиных глазах, вместе с Генкой улица выросла, подняла светлые стены новых домов, засияла витринами новых магазинов. Только название осталось старым. Вот если бы на Обувной вырос какой-нибудь космонавт, тогда были бы все основания дать улице новое имя. Втайне Генка сам мечтал стать космонавтом. Вот бы удивились знакомые мальчишки, если бы услышали по радио, что улицу Обувную переименовывают в улицу имени Геннадия Диогенова! При этой мысли у Генки даже захватило дух. Но тут же он представил, сколько мальчишек живет на Обувной, а ведь все они тоже мечтают стать героями... Попробуй обгони всех!

Уже подходя к школе, Генка вспомнил, что мама оставила ему какую-то записку. Обычно, уходя на работу, она оставляла на столе завтрак и ничего не писала.

«Что бы там могло быть?» — размышлял Генка. Он так задумался, что даже не слышал звонка, и очнулся только, когда в класс вошла учительница математики Зинаида Васильевна и крышки парт дружно загремели.

Генка торопливо вскочил. В наступившей тишине неожиданно громко хлопнула крышка его парты.

Зинаида Васильевна укоризненно глянула на Генку и только после этого поздоровалась. — Здравствуйте, Зинаида Васильевна! — хором ответил класс, и все стали с шумом усаживаться.

Зашелестели тетради, по классу поплыл приглушенный рабочий шумок, привычный и знакомый каждому школьнику.

Чувствуя в сердце неприятный холодок, Генка достал свою тетрадь, воровато сунул ее в парту и, не поднимая головы, стал усердно копаться в портфеле, как будто что-то разыскивая.

— Ну как, все подготовили сегодняшнее задание? — спросила Зинаида Васильевна.

Генка хотел было поднять руку, но кругом закричали: «Все! Все!», и Генкина рука так и не поднялась. «Может, не вызовет сегодня?» — с надеждой думал Генка и продолжал усердно рыться в портфеле.

— Что ж, посмотрим! — Зинаида Васильевна раскрыла классный журнал.- Кто у нас давно не отвечал?..

Генка вздрогнул. Он скорее почувствовал, чем услышал, что Зинаида Васильевна произнесла его фамилию. Из-за этой фамилии все в классе звали Генку «Диогеном». Сперва он обижался, потом привык, а когда их пионервожатая Женя, из девятого «Б», рассказала, что когда-то в Древней Греции жил знаменитый философ Диоген, причем жил не в обыкновенной квартире, а в деревянной бочке, Генке даже стало слегка приятно.

— Ну, что же ты там, Диогенов? — повторила Зинаида Васильевна.- Показывай, как решил задачи.

Генка медленно поднялся.

— Я... знаете, Зинаида Васильевна... понимаете...- промямлил он.- Нет у меня этих

задач.

— Тетрадь, что ли, дома забыл?

— Ага, забыл! — обрадовался Генка.- Понимаете, завозился, опаздывал, и вот — забыл.

Генка даже сокрушенно покачал головой и стал опять рыться в портфеле.

— А вот эта не по арифметике? — Генкин сосед Валерка высоко поднял злополучную тетрадь.

Генка хотел схватить ее, но тут подошла Зинаида Васильевна.

— Это старая! — еле слышно пробормотал Генка. Зинаида Васильевна раскрыла тетрадь. Она была только начата, и последней стояла вчерашняя дата — 15 сентября 1962 года.

Зинаида Васильевна нахмурилась.

— Мало того, что ты не подготовил уроков, ты еще и лжешь,- сказала она, усаживаясь за свой столик.- Я тебе ставлю два, Диогенов, и надеюсь, что твое поведение разберут на пионерском сборе. Садись!

Генка сел и опустил голову.

— Эх ты, Диоген, Диоген! — насмешливо прошептал Валерка, но Генка не ответил. Дс звонка он так и просидел, не поднимая головы и не решаясь взглянуть на товарищей.

Вторым уроком была география. Генку, правда, не вызывали, но весь урок он просидел как на иголках. Потом был русский язык. Генку опять не вызвали, и он почти успокоился. Склонившись над партой, он усердно рисовал на промокашке диковинного ящера брахиозавра, как вдруг услышал над собой голос Ивана Николаевича:

— С добрым утром, Диогенов! Как спалось? Ах, ты не спал? Повтори тогда, о чем мы только что говорили.- Иван Николаевич взял Генкину промокашку и стал разглядывать.- Так как это называется?

— Брахиозавр,- не поняв вопроса, ответил Генка под дружный смех класса.

— Как? — удивился Иван Николаевич.- По-моему, мы говорили о причастных оборотах.

Странно, странно! — Он пожал плечами, еще раз удивленно посмотрел на Генку, положил на место промокашку и вернулся к доске.- Садись, Диогенов. Мы с тобой потолкуем позже, а сейчас нужно слушать, о чем говорят в классе, а не рисовать всякую всячину.

Иван Николаевич взял мел и продолжал прерванное объяснение.

На этом неприятности не кончились. После четвертого урока все направились в спортзал. Генка любил физкультуру, никогда не пропускал уроков и даже посещал занятия футбольной секции. Однако, войдя в раздевалку, он с ужасом вспомнил, что забыл дома тапочки. В отчаянии бросился Генка назад, чтобы одолжить тапочки у кого-нибудь из другого класса, но звонок уже прозвенел и коридоры опустели.

В довершение всего он чуть не налетел на учительницу истории Клавдию Семеновну, которая была у них классным руководителем.

— Что с тобой сегодня стряслось, Диогенов? — строго спросила Клавдия Семеновна.- Все учителя на тебя жалуются! Куда ты бежишь после звонка? Меня чуть с ног не сбил! Марш в класс! После занятий зайдешь ко мне в учительскую!

Генка собирался было объяснить, что у них сейчас физкультура, что он хотел одолжить тапочки... Но Клавдия Семеновна торопилась на урок. Она не стала Генку слушать, только нетерпеливо бросила: «Марш, марш! Потом поговорим!» И Генка уныло побрел в классную комнату.

В классе было непривычно пусто и тихо. Генка сел за свою парту и огляделся. С карт смотрели голубые глаза океанов. Зелеными губами улыбались разрезы растений. На доске осталось нестертым предложение: «Одинок в стороне тащился на истомленных волах воз, наваленный мешками, пенькою, полотном...» Дальше тянулась темная полоса, оставленная мокрой тряпкой, которая лежала здесь же, у доски, на полу.

Какое-то время Генка смотрел на это предложение и гадал, что же еще могло быть на том возу, потом подошел, поднял тряпку и медленно стал вытирать доску.

Он тщательно оттер даже уголки, по которым никогда не ходила тряпка дежурного. Вскоре доска блестела, словно ее только что покрасили.

Генка полюбовался на свою работу, затем взял в руки мел и стал рисовать. Сначала он нарисовал маленькую приплюснутую голову. Потом дорисовал длинную змеиную шею, вытянутое туловище, опирающееся на массивные ноги, толстый хвост.

С минуту он критически оглядывал свой рисунок, потом вывел внизу крупными буквами: «Диплодок». Так назывался гигантский ящер, живший на земле более ста миллионов лет назад.

Генка решил было нарисовать над диплодоком летающего ящера, но тут изогнутая шея диплодока напомнила ему двойку по арифметике и предстоящее объяснение с Клавдией Семеновной. Рисовать летающего ящера расхотелось. Генка положил мел и подошел к окну.

Закончился рабочий день. По улице нескончаемым потоком шли люди, куда-то торопились, смеялись, покупали горячие пирожки в лотке напротив школы, и никому из этого множества людей не было никакого дела до Генкиных злоключений.

Генка уныло смотрел, как лотошница в белом халате выхватывала из чана дымящиеся пирожки, и глотал слюну. С самого утра он ничего не ел, и теперь завидовал счастливым, которые, перебрасывая пирожки из руки в руку, откусывали поджаренные корочки. Из рта у них шел пар.

Потом он вспомнил, что у него должны оставаться двадцать копеек, которые ему вчера

дала мама на билет в кино. Вытряс карманы. На подоконник вывалилось увеличительное стекло от сломанного проекционного фонаря (в солнечные дни он выжигал этим стеклом на деревянных скамейках свои инициалы), перочинный нож, какой-то мусор и две десятикопеечные монеты.

До звонка, очевидно, было еще далеко. Не долго думая, Генка выскочил из класса, спустился по лестнице, перебежал улицу и через секунду протягивал лотошнице деньги.

— Мне два, с мясом!

— В очередь, в очередь! — не глядя на него, проговорила лотошница и протянула кому-то пирожок, завернутый в промасленную бумагу.- Ишь, какой прыткий,- неодобрительно добавила она и передала кучу пирожков еще кому-то.

— Ну пожалуйста, я тороплюсь! — начал было просить Генка, но лотошница так глянула на него, что он замолчал и стал в конец небольшой очереди.

Как назло, все сразу же стали брать помногу пирожков, потом у кого-то не оказалось мелких денег, потом не хватило бумаги и лотошница побежала в соседний магазин... Но всему бывает конец, и минут через десять Генка, обжигаясь, глотал горячую маслянистую массу с мягкой солоноватой ливерной начинкой.

После пирожков ему захотелось пить. Рядом, за углом, стоял автомат с газированной водой. Генка подошел к автомату и опустил в прорезь трехкопеечную монету. Однако в подставленный стакан ничего не полилось. Генка постучал по кожуху. Автомат молчал. Тогда Генка стал стучать сильнее. Тут к нему подошел незнакомый мужчина в шляпе и строго сказал:

— Ты чего барабанишь! Не видишь разве, что автомат неисправный?

Только теперь Генка заметил над стеклянным глазком жестяную табличку: «Не работает».

— У меня там монета застряла! — хотел было пожаловаться Генка, но мужчина в шляпе уже ушел.

Генка пересчитал оставшиеся деньги — пять маленьких желтых монеток достоинством в 1 копейку. Ближайший автомат находился на соседней улице.

Бросив негодующий взгляд на испорченный автомат, Генка отправился на соседнюю улицу.

На этот раз ему повезло. Автомат работал. Обменяв в магазине три копейки на одну трехкопеечную монету, Генка с наслаждением выпил стакан воды с лимонным сиропом. Подумав, он налил еще стакан чистой, но пить больше не хотелось, и, сделав пару глотков, он с сожалением вылил воду в нишу для мытья стаканов.

Не успел Генка отойти от автомата, как вдруг увидел негра. Настоящего черного негра.

Негр шел в группе празднично одетых людей, и молодая женщина что-то объясняла им на непонятном языке. Негр улыбался, на темном лице блестели белые зубы. «Иностранцы», - догадался Генка.

Он шел за иностранцами, пока те не сели в автобус и не уехали. Генка посмотрел им вслед и только после этого вспомнил, что ему еще нужно зайти к Клавдии Семеновне.

Во весь дух бросился он назад, запыхавшись взбежал по лестнице, протопал по пустому коридору и, не постучавшись, распахнул дверь учительской.

Клавдии Семеновны там уже не было. Только тетя Маша, школьная техничка, подметала пол смоченным в ведре веником. Она спокойно посмотрела на Генку и деловито спросила:

— Это кто же за тобой гнался?

— Никто не гнался! - удрученно ответил Генка и закрыл дверь.

В классе он собрал в портфель книжки, посмотрел на диплодока, которому кто-то уже пририсовал усы, а само слово «Диплодок» переправил на «Диоген», хотел было стереть, но только махнул рукой и медленно побрел домой.

Дома Генка сразу же прошел на кухню и прочитал оставленную для него записку. Мама писала, что задержится на работе, а позже пойдет встречать отца.

Генка обрадовался. Его отец работал машинистом на паровозе и по несколько дней не бывал дома. Возвращаясь из поездок, он сбрасывал пропитанную угольной пылью спецовку, долго мылся, оглушительно фыркал и разбрызгивал вокруг мыльную воду. Потом свирепо растирал мускулистое тело мохнатым полотенцем и наконец деловито спрашивал у Генки:

— Ну, герой, как дела в школе?

Сегодня тоже, конечно, спросит. Подумав об этом, Генка вспомнил все свои неприятности и загрустил. Уже без интереса он прочитал конец записки, где мать сообщала, в каких кастрюлях оставлен для него обед и как его разогреть.

Доставать обед Генка поленился. Он придвинул тарелку с неначатым завтраком и стал

без аппетита поедать жареную картошку. Вилка нудно поскрипывала по тарелке. «Как Клавдия Семеновна,- подумал Генка,- когда очень сердится».

Он попробовал представить, о чем она с ним будет говорить, когда они завтра встретятся, и у него окончательно пропал аппетит. Генка отодвинул тарелку, встал из-за стола и побрел к себе в комнату. В голове вяло копошились мысли: «Заболеть бы, что ли. Или уехать куда-нибудь, где нет ни домашних заданий, ни Клавдии Семеновны...»

Из-под серой картонки на него глянула утиная голова умершего миллионы лет назад ящера. «И как только узнали про них?» — мелькнуло в голове у Генки.

Он взял книгу, лег на диван и принялся от нечего делать снова перелистывать страницы.

Краски потускнели. Знакомые вещи стали расплываться, сливаясь с серыми сумерками. В доме стояла тишина. Только на кухне однообразно жужжал вентилятор.

Вдруг негромко скрипнула дверца настенных часов, и оттуда вышел невысокий плотный старичок с лохматой бородой, в каком-то необычном, подвязанном толстой веревкой, рваном халате. Сердце у Генки екнуло. Он вскрикнул, отпрянул к стене.

Старик аккуратно прикрыл дверцу и повернулся к Генке.

— Здравствуй, тезка! — сказал он звучным голосом и тряхнул лохматой головой.

— Здравствуйте! — выдавил из себя Генка и еще теснее прижался к стене.

Старик, словно не замечая Генкиного испуга, придвинул стул, уселся, достал из-за пазухи большие карманные часы на длинной цепочке и стал в них что-то подкручивать.

В действиях старика не было ничего страшного. На грабителя, какими представлял их себе Генка, старик не походил, и после некоторого молчания он решился спросить:

— Вы кто?

Старик рассмеялся:

— Как это кто?! Я же назвал себя. Я твой тезка, значит я — Диоген.

— Тот, что жил в бочке? — удивился Генка.- Философ?

— Тот самый! — опять рассмеялся старик.

— Ну, вы меня разыгрываете! — нахмурился Генка. Он уже оправился от испуга, вспомнил, что скоро должны прийти родители, и обдумывал, стоит ли звать соседа, чтобы отправить подозрительного старика в милицию. Это было бы самое верное, но прежде он решил кое-что выяснить. Встав с дивана и подойдя на всякий случай поближе к двери, Генка грубо сказал:

— Про философа Диогена вы врете! Диоген умер, я точно не знаю когда, но во всяком случае больше чем две тысячи лет назад. Мне вот только непонятно, как вы сумели влезть в наши часы. И вообще, кто вам разрешил без спроса входить в чужую квартиру?

— А откуда ты знаешь, что я умер? — удивился старик.- Разве ты присутствовал на моих похоронах?!

— Нет, конечно! — пожал плечами Генка и ехидно улыбнулся.- На ваших похоронах,- он сделал ударение на слове «ваших»,- я не мог присутствовать, потому что вы еще не умерли, а на похоронах философа Диогена я не мог быть только потому, что Диоген жил в Древней Греции, а я живу в Советском Союзе.

Но старик по-прежнему не обижался. С лукавой улыбкой он стал спокойно поучать Генку:

— Запомни, мальчик: нельзя утверждать того, чего не знаешь, и рассказывать о том, чего не видел. Я действительно тот самый Диоген, которого называли философом и который, презрев житейские блага, жил некоторое время в обыкновенной бочке. Я и теперь считаю, что главное — это свобода мысли. Я не умер две тысячи лет назад. Благодаря этому чудесному аппарату,- старик тряхнул карманными часами,- я получил возможность возвращаться в прошлое и проникать в будущее. Сейчас я остановился, чтобы отдохнуть от трудного пути, завести свой замечательный аппарат, который я называю «машиной

времени», а заодно сверить его с действующими часами. Ну, а остановился я у тебя просто потому, что в этом новом мире у меня нет ни одного близкого человека. Ты ведь сам понимаешь, уже более двух тысячелетий они покоятся в земле Эллады. А ты как-никак мой тезка.

Широко раскрыв глаза, Генка слушал старика и, когда тот кончил говорить, решил: «Наверное, он сумасшедший!». Взявшись за ручку двери, Генка хотел было позвать соседа, но тут его одолело любопытство.

— Скажите, товарищ Диоген,- вежливо спросил он,- мне можно посмотреть вашу машину времени?

— Ну что ж, посмотри! — согласился Диоген и, кончив заводить часы, протянул их Генке.- Только не вздумай чего-нибудь крутить.

Генка взял часы в руки и сразу же подумал, что они действительно выглядят странно. Во-первых, они были значительно тяжелее обычных. Генка с трудом удержал их на расслабленной ладони. Потом, вместо привычных цифр на циферблате по кругу располагались мелкие деления. В середине был еще один круг, тоже с делениями, но побольше. На одном из них застыла тонкая золотая стрелка. И наконец, вместо одного заводного колесика сбоку торчали четыре рубчатые головки. Но этого, конечно, было далеко недостаточно, чтобы Генка поверил старику.

— Вы сейчас эти часы завели? — осторожно спросил он.

Старик кивнул лохматой головой.

— Так почему же они тогда не идут?!

Диоген усмехнулся.

— Стрелка движется, но очень медленно,- пояснил он.- Ее движения невозможно заметить. Ведь каждое деление на большом кругу — это миллион лет.

— Миллион! — ахнул Генка.- Значит, стрелка передвигается на одно деление только через миллион лет?

Диоген снова кивнул головой:

— Если только не повернуть стрелку самому.

«Ну и враки!» — хотел воскликнуть Генка, но вовремя удержался. Уж очень интересно врал этот старик.

— А зачем здесь маленький круг? — спросил он.

— Для более точной наводки,- объяснил Диоген.- На нем сто делений, и каждое деление означает тысячу лет.

— А вот эти головки зачем? — продолжал любопытствовать Генка.

— Эти головки имеют разное назначение,- без запинки объяснял Диоген.- Одна служит для перевода времени назад, другая — вперед, третья управляет точной наводкой, и, наконец, последней я завожу мою машину времени.

— И все-то вы выдумываете! — взорвался Генка- Не знаю только, чего ради вам понадобилось меня дурачить? Никакая это не машина, а просто старые сломанные часы! У моего дедушки были карманные часы побольше этих и заводились даже не головкой, а специальными ключиками. А здесь и стрелка-то не переводится. Вот, посмотрите!.. — И прежде чем старик, назвавший себя Диогеном, успел схватить Генку за руку, он крутнул первую же попавшуюся рубчатую головку.

Раздался оглушительный звон. Все бешено завертелось у Генки перед глазами, на него пахнуло жаром, что-то сдавило грудь, и он потерял сознание.

Г Л А В А II,

повествующая о динотериях, пескарях, жуткой ночи и опасностях, подстерегающих сборщиков грецких орехов в период миоцена

Муха надоедливо жужжала над ухом. Генка сквозь сон отмахнулся. Муха не улетела. Потом к ее жужжанию добавился тонкий писк комара.

Генка открыл глаза и тут же вскочил. Над ним висели круглые, как раздвинутый веер, голубоватые листья. Пестрая гусеница неторопливо ползла по длинному черенку. Вот она перебралась на соседний лист и поползла выше.

Где-то в далекой вышине едва виднелось сквозь кроны деревьев голубое небо.

Ничего не понимая, Генка оглянулся. В синем сумраке неподвижно застыли могучие стволы деревьев. Снизу они были покрыты серебристым мхом. С узловатых ветвей свисали гибкие лианы. В густой зелени пестрели цветы, распространяя раздражающий запах.

Генка протер глаза, но все осталось по-прежнему. Красная бабочка вспорхнула с цепляющегося за кусты вьюнка и перелетела на белый цветок. Неподалеку, в просвете между серыми стволами, желтела залитая солнцем полянка.

Все еще не веря глазам, Генка неуверенно шагнул к бабочке. Бабочка взлетела, покружилась над головой и куда-то исчезла.

Генка протянул руку к цветку и только тут ощутил в сжатой ладони круглый предмет, похожий на карманные часы. Длинная медная цепочка волочилась по земле. Он посмотрел на цепочку, перевел взгляд на часы и вдруг, словно с памяти слетела какая-то пелена, вспомнил все. Еще не осознанная тревога сжала сердце. Размахивая цепочкой, он пробежал под веерообразными листьями, пробрался через колючий кустарник и выскочил на поляну.

С безоблачного неба жарко палило солнце. Ноги тонули в упругой зелени, воздух был наполнен немолкнувшим треском кузнечиков. Стайка узкокрылых птиц стремительно пронеслась над землей и скрылась в лесу.

Раздвигая высокую траву, Генка перешел поляну. Он находился на невысоком холме. Сразу же за поляной начинался спуск, и дальше, до самого горизонта, тянулось море дремучего леса. Сколько Генка ни вглядывался, ни крыши, ни дымка, ни светлых полосок дорог не было видно.

— Го-го-го! — во всю силу легких заорал он, но голос — увы — безответно затерялся в зеленом просторе.

Генка вытер со лба холодный пот, ничего не соображая, провел руками по лицу, зачем-то ущипнул себя за нос, побежал назад, к лесу, снова пробовал что-то кричать, но из скованного страхом горла вырывался только жалобный, хриловатый стон.

Наконец Генка без сил упал на краю обрыва и, обхватив голову руками, надолго застыл в тоскливой растерянности. Временами ему начинало казаться, что он спит, что стоит поднять голову — и он очутится в знакомой комнате на улице Обувной. Тогда Генка делал усилие, приподнимался на локтях, осматривался. Но... перед ним по-прежнему были только

узловатые кусты с мелкими глянцевыми листочками и дальше, за холмом,- курчавые макушки безмолвного леса.

Он уже потерял представление о том, сколько времени лежит здесь, на краю этого незнакомого обрыва, как вдруг сзади послышались тяжелые шаги, ветви раздвинулись и Генка ахнул — на поляну вышел огромный слон!

Следом за первым появился еще один, поменьше, рядом с которым едва виднелась из травы бурая спина слоненка. Слоненок капризно похрюкивал и тыкался круглой головой под брюхо второго слона. «Слониха,- тупо подумал Генка.- Значит, это семья».

Задрав хобот, слон сорвал с дерева ветку и деловито отправил в рот. Генка услышал, как она захрустела на широких желтых зубах. Слон сорвал еще одну ветку, и Генка с изумлением обнаружил, что бивни у этого слона торчали не у основания хобота, а свисали, словно гигантские клыки, с нижней, сильно вытянутой губы. Переведя взгляд на слониху, Генка увидел у нее такие же клыки.

Мысли бессвязно возникали в голове и тут же исчезали, но Генке казалось, что он где-то видел таких животных. Генка напряг память и вдруг вспомнил. Конечно, он уже видел их! В той толстой книге «По путям развития жизни». Это не слоны, это — динотерии! Динотерии, которые вымерли очень давно. Значит, Диоген не врал, и Генка, так необдуманно крутнувший одну из головок этой ужасной машины, действительно перенесся в давнее-давнее время!

Генка представил себе на минуту геохронологическую таблицу и вспомнил: время, когда жили динотерии, называлось периодом миоцена. После него должны пройти еще миллионы лет, прежде чем вообще появятся на земле первые люди. Генка попробовал прикинуть, что такое несколько миллионов лет, и ему стало страшно. Как же он вернется из такой невообразимой старины?!

Словно в тумане Генка увидел встревоженную маму, озабоченное лицо отца. Неужели он никогда больше не услышит глуховатого отцовского голоса: «Ну, герой, как дела в школе?» Неужели Клавдия Семеновна так и не дождется его в учительской, Валерка не скажет: «Эх, Диоген, Диоген!» и кто-то другой будет играть вместо Генки на левом краю в школьной футбольной команде?

Ему стало так жаль себя, что он неожиданно заплакал. Большой динотерий перестал жевать, внимательно посмотрел на Генку, качнул хоботом и сделал шаг в его сторону. Вскрикнув, Генка нырнул под развесистую пальму, кубарем скатился по пологому склону и чуть не полетел в ручей, струящийся под зеленой крышей из переплетенных ветвей и лиан. Уже падая, он ухватился за кусты, удержался и, не переводя дыхания, юркнул под корни поваленного дерева.

В голове звенело, перед глазами плавали розовые круги. Сжавшись в комок, Генка долго лежал на влажном песке, но топота динотериев не услышал. Только однообразно журчала вода и в дремотной тишине гулко стучало Генкино сердце. Почувствовав наконец сырость, Генка устало сел и обреченно уставился в воду.

Все случившееся было так неожиданно и необъяснимо, что казалось кошмарным сном.

Однако сон не проходил. Синие стрекозы мирно кружились в теплом воздухе и присаживались отдохнуть на лакированные лепестки водяных кувшинок. Серебряный паучок раскачивался на невидимой паутинке, и его крохотная тень бегала по светлому песку. Однообразно журчал ручей. В прозрачной воде деловито сновали пескари, такие же, как те, которых

Генка ловил как-то в Свислочи, когда они выезжали по воскресеньям всей семьей за город.

Генка вспомнил, как отец пек этих пескарей, заворачивая их в мокрую газету и закапывая в раскаленный костром песок.

Некоторое время он разглядывал беззаботных рыбешек, затем снял рубашку, завязал ворот и рукава, сбросил ботинки и, подвернув до колен штаны, шагнул в воду. Вода была прохладная, по-видимому, родниковая. Чистый песок приятно покалывал ступни.

Пескари спокойно сновали у ног. «Непуганые», - удовлетворенно подумал Генка и, погрузив в воду рубаху, плавно повел ее по течению навстречу рыбной стайке.

Ему повезло на первом же заходе. Когда он поднял рубаху и выплеснул воду на траву, в ней испуганно забились три темно-серебристые рыбки. Генка сломал гибкий прут и насадил на него пескарей.

Следующим заходом он поймал еще двух, потом сразу четырех рыбешек, а через полчаса прут уже изрядно оттягивал руку.

Генка повеселел. Нащупав в кармане увеличительное стекло, он сунул ноги в ботинки, наскоро выкрутил рубаху и стал искать подходящее место для костра.

В ямке, под вздыбленными корнями поваленного дерева, Генка сложил свой улов. Тут же наломал сухих ветвей, нащипал ножом растопки, и вскоре под его увеличительным стеклом закурился голубой дымок, мелькнул красный язычок огня, окреп, затрещал в ворохе лучины и наконец взметнулся жарким пламенем.

Едва дождавшись, пока костер прогорит, Генка палкой разворошил угли и уложил в образовавшуюся ямку завернутых в мокрые листья рыбок. Потом опять ждал, нетерпеливо помешивая раскаленные угли, а когда пескари, по его мнению, испеклись, забыв обо всем, усердно принялся поглощать разварившуюся, горячую, слегка пахнущую водорослями рыбу.

Миоценовые пескари по вкусу ничем не отличались от своих потомков, которых Генка ловил в Свислочи. Рыба как рыба. Генка даже немного разочаровался.

Насытившись, он почти успокоился и стал размышлять. Итак, это необъяснимо, но факт. «Диогеновы часы» действительно оказались чудесной машиной времени, которая перенесла Генку на десять или пятнадцать миллионов лет назад. А может, и на все

двадцать? Точно Генка не знал, но ему это, по правде сказать, было безразлично. Что значили в его нынешнем положении несколько лишних миллионов лет! Он — единственный человек на земле. Пройдут сотни веков, пока появится первая обезьяна. Потом должно наступить великое похолодание. Огромные ледники поползут с севера и погонят перед собой стада животных. Потом опять пройдут тысячи лет, ледники тают. На освобожденных полях вырастут новые леса, и вот тогда в какой-то счастливый день среди этих лесов раздастся голос первого человека.

Впрочем, почему первого? Ведь первый человек по воле случая он, Генка!

— Геннадий Алексеевич Диогенов — первый человек на Земле! — торжественно провозгласил Генка и сам испугался своего голоса. В диком лесу человеческий голос прозвучал слабо и неуверенно. И — ни звука в ответ. Только ручей равнодушно тянул свою однообразную песенку, вымывая из-под скрюченных корней серый песок.

На миг Генке опять стало жутко, и тогда, чтобы преодолеть страх, он запел во все горло. Он пел и песню о храбром маленьком барабанщике, и «Картошку», и «Взвейтесь кострами...» Пел неважно, перевирая мотив и путая слова. Но это его не смущало: ведь на всем земном шаре кроме него не было в этот момент никого, кто знал бы хоть одну пионерскую песню.

Когда запас песен был исчерпан, Генка надел высохшую рубаху, завернул оставшихся рыбок в широкий лист и спрятал в карман. Недавнего страха как и не бывало. В Генке проснулся дух первооткрывателя.

Подточив нож на плоском камне, он вырезал увесистую дубинку, опробовал ее на соседних кустах и тронулся в путь.

Куда идти, Генка не раздумывал. Где-то он вычитал, что жизнь — это движение. А значит, — вперед и только вперед! Укрываясь за кустами, Генка осторожно поднялся на холм, но динозавры там уже не было. Только вытоптанная трава да смятый кустарник напоминали о том, что здесь недавно паслись слоновидные гиганты.

Генка огляделся. Над бескрайним ковром лесов опрокинулась голубая чаша неба. Восточный край чаши заметно посинел. День близился к вечеру. Это немножко охладило Генкин наступательный порыв, и он подумал, что пора подыскать защищенное место для ночлега. Из повестей о жизни первобытных людей Генка помнил, что лучше всего для этой цели подходит пещера. Он еще раз посмотрел вокруг и заметил в полукилометре от холма скальную гряду.

«Где скалы, там и пещеры!» — рассудил Генка и, не теряя времени, направился к гряде.

По упавшему стволу, возле которого он ловил рыбу, Генка переправился через ручей и углубился в лесную чащу.

Лес встретил его настороженной тишиной синего сумрака. Из влажной земли, пробив толстый ковер слежавшихся листьев, поднимались мохнатые папоротники. Цепкие лианы, усеянные длинными колючками, свешивались с мертвых нижних ветвей, поросших бородачатым мхом.

Генка долго петлял, пробираясь сквозь заросли, и неожиданно попал в болото. Очевидно, здесь раньше протекал ручей. Рухнувшие деревья перегородили его. Ручей разлился и ушел под землю. Из мертвых стволов выросли бледные, стелющиеся побеги. Корка перегнивших корней и листьев оседала под ногами. Ямки от Генкиных следов тут же наполнялись водой.

В ботинках захлюпало. Опираясь на свою дубинку, Генка прыгал с кочки на кочку и с

ужасом замечал, что с каждым шагом трясина становится все податливей. В одном месте, выбирая кочку для очередного прыжка, он на секунду остановился и вдруг почувствовал, что погружается в холодную воду. В отчаянии он прыгнул назад, но колени провалились в болото, не удержав равновесия, упал и судорожно вцепился в жесткую траву.

Несколько секунд Генка лежал без движения, всем телом чувствуя, как сквозь одежду просачивается вода, потом подтянулся за какие-то корни, высвободил из трясины ноги и осторожно пополз. Добравшись до поваленного дерева, он взобрался на шероховатый ствол и перевел дыхание. Темнело. Над болотом пополз серый туман. Неизвестная птица зловеще заверещала в синей чаще и тут же смолкла. Кто-то невидимый грузно прочавкал по болоту и, ломая кустарник, скрылся в лесу.

Наступила тревожная тишина. Мокрая рубашка неприятно холодила тело. Генка вытянулся на теплом, нагретом за день стволе и тихо лежал, прислушиваясь к лесным шорохам.

Высоко над лесом, в черном небе, зажглись звезды. Генка попробовал отыскать ковш Большой Медведицы, но тут странный шорох привлек его внимание. Казалось, кто-то тащит по траве длинную тяжелую веревку. Генка до боли напряг зрение, но ничего не увидел. А шорох все приближался, медленно и неотвратно, затем в темноте сверкнули два светящихся глаза — и Генку охватил ужас. Он хотел броситься бежать, но не мог пошевелить ни одним мускулом.

Неожиданно по болоту опять зачавкали шаги — часто и неровно. Невидимый зверь, провалившись в трясину, шумно метался в липкой грязи.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Два глаза в темноте погасли. Опять зашуршала трава, но теперь шорох уже удалялся.

Какое-то время до Генки доносилось неровное дыхание завязнувшего животного, и вдруг жуткий, раздирающий уши рев потряс воздух. Послышался шум борьбы, приглушенное шипение, хриплый вой. Что-то затрещало — и вой смолк. Только болото звучно чавкало от судорожных движений.

Трясаясь всем телом и ничего не соображая от страха, Генка скатился со своего ствола и бросился бежать. Ноги скользили по мокрым корням. Несколько раз он проваливался в трясину, отчаянными усилиями выбирался на сушу и, спотыкаясь о кочки, бежал дальше. Из-под ног бесшумно выскакивали какие-то зверьки.

Один раз он услышал перед собой грозное змеиное шипение и с быстротой молнии метнулся в сторону. Потом запугался в кустах и, подвывая от страха, с трудом продрался сквозь них. Неожиданно лес расступился. При свете звезд Генка различил скалистую гряду, замеченную днем с холма. Одним махом он вскарабкался по острым камням на самую высокую скалу и, вконец обессиленный, повалился на влажный от росы мох. Пот заливал лицо, бешено стучало сердце. Генка поминутно всхлипывал, и горячие слезы катились по его щекам.

Темная птица с длинной шеей и словно обрубленным хвостом пронеслась над его головой и тут же взмыла вверх. Слово ужаленный, Генка закричал и закрыл голову руками.

Бесшумно махая длинными крыльями, птица поднялась выше. На фоне звездного неба отчетливо вырисовывался ее силуэт. Генку вдруг охватила лютая ненависть. Нашупав осколок камня, он вскочил и что было силы запустил им в черную птицу. Птица сделала над скалой круг и улетела, а Генка снова упал на землю.

Что-то больно врезалось ему в бок. Генка пошарил под собой ладонью и нащупал в кармане круглый предмет. «Диогеновы часы!» — со злобой догадался он. Проклятая машина времени, из-за которой он попал в этот ужасный миоцен, на миллионы лет отдаливший его, Генку, от родного дома, от школы, от всего знакомого, привычного и доброго, что до этого дня заполняло немудреную жизнь ученика шестого «В» класса Геннадия Диогенова. С горькой улыбкой Генка смотрел на металлический циферблат и заново переживал все события того злополучного дня, когда он получил по арифметике двойку и познакомился с философом Диогеном. Как он умудрился так опрометчиво назвать старого философа обманщиком, а его машину времени — сломанными часами, у которых даже не переводятся стрелки?!

Генка потрогал рубчатые головки на корпусе машины времени, и вдруг гнетущая тяжесть свалилась словно гора с плеч. Генка впервые за этот день радостно засмеялся.

Какой же он беспамятный! Ведь Диоген говорил, что стрелку машины времени можно переводить в обе стороны — и в прошедшее, и в будущее. Он может хоть сейчас перевести время вперед и снова очутиться в родном городе.

Генка ласково потер холодную крышку «Диогеновых часов». Все в порядке, сейчас он будет дома!

Новая мысль остудила Генкину радость: головок-то четыре, а попробуй определи, какую из них подкручивать. Кроме того, в ночной темноте не видно делений на циферблате, а ведь нужно еще рассчитать, на сколько делений передвинуть стрелку.

Обдумав все это и придя к мысли, что утро вечера мудренее, Генка спрятал часы в карман, влез в неглубокую расселину под мшистым валуном и свернулся калачиком.

Засыпая, он думал о том, как будут удивлены родители, когда, вернувшись домой, застанут вместо Генки бородатого Диогена. Потом в голове все смешалось и он уснул,

словно провалился в омут.

К утру похолодало. Мокрая рубаха не грела. Лязгая зубами и растирая застывшую спину, Генка поднялся и стал ждать восхода солнца.

Сизый туман над лесом слабо заалел, ярким румянцем налились нижние края редких облаков. Легкий ветерок погнал по лесному морю волны, и вот над синим горизонтом поднялось еще холодное багряное солнце.

Густые тени побежали по скалам и легли у Генкиных ног. Размахивая руками, «первый человек на земле» запрыгал по неровному карнизу на краю гряды. Неуклюжий зверек ростом с крупную кошку, с рыжеватой шерстью и длинным пороссячьим рылом выскочил из-под валуна и, прежде чем Генка успел испугаться, скатился по каменной осыпи и исчез в кустах.

— Го-го-го! — закричал ему вслед Генка, но кусты больше не шелохнулись. Только несколько птиц с голубой каемкой на коричневых крыльях испуганно сорвались с ближайшего дерева и улетели в сторону восходящего солнца.

Долгое время никто не показывался. Генка согрелся, достал из кармана печеных рыбок и неторопливо позавтракал. Затем уселся на камень на вершине гряды, вынул машину времени и принялся ее внимательно разглядывать.

Насколько он помнил, тогда, в комнате, он крутнул одну из головок не сильно. Стрелка передвинулась, очевидно, на десять, самое большее пятнадцать делений. Вся беда была в том, что Генка забыл, какая именно из четырех головок тогда ему подвернулась.

После долгих размышлений он решил покрутить по очереди все головки и таким образом полностью выяснить систему управления этой чудесной машины.

Генка взялся было уже за первую головку, но тут тяжелый топот привлек его внимание. Легко раздвигая зеленую стену кустарника, прямо к гряде неторопливо шагал динотерий. Вначале Генка испугался, но, бросив взгляд на крутые склоны своего убежища, успокоился и стал с интересом разглядывать огромное животное.

Лобастая голова динотерия была опущена. Толстый хобот покачивался в такт шагам. Бурая шерсть лохматилась на рассеченной неровными складками, вислой шкуре.

Вдруг навстречу динотерию поднялась желтая треугольная голова на длинной шее. Шея изогнулась, и Генка увидел огромную змею, медленно расправляющую могучие кольца. Коричневые квадратики колебались на змеиной коже, и казалось, что по многометровому телу струится вода.

Динотерий остановился, готовый к бою. Генка услышал, как в его хоботе просвистел резко выдохнутый воздух. Змея зашипела. Динотерий поднял хобот, и острые бивни на нижней челюсти угрожающе блеснули. Змея опустила голову и с неожиданным проворством скрылась в кустах, а динотерий удовлетворенно хрюкнул и побрел своей дорогой. Вскоре широкая спина скрылась за деревьями. Только грузные шаги еще некоторое время отдавались в ушах у Генки.

Не успел стихнуть топот динотерия, как мимо гряды галопом промчалось стадо маленьких оленей — только острые рожки мелькнули между кустами. Потом низко-низко пролетели лебеди и еще какие-то похожие на аистов птицы с красными клювами.

«Вот бы сюда фотоаппарат!» — с сожалением вздохнул Генка и, представив себе лица одноклассников, рассматривающих фотоснимки, сделанные в миоцене, даже присвистнул. Тут же он подумал, какую огромную ценность для науки будут иметь его наблюдения, и еще раз пожалел, что не носил с собой записной книжки. Он подобрал широкий не то

каштановый, не то дубовый лист и попробовал выцарапать на нем буквы. Но листок порвался. Генка вспомнил, что на уроках истории им рассказывали о рисунках и надписях на камнях, по которым ученые восстанавливают картину жизни людей далекого прошлого.

Отыскав осколок кремня, он выбрал ровную плоскую плиту и стал выцарапывать на ней надпись: «Геннадий Алексеевич Диогенов. Сентябрь...» Тут Генка задумался, какой же поставить год, и, ничего не придумав, крупно вывел: «...МИОЦЕНА».

Надпись была неровная и нечеткая. Генка с сомнением посмотрел на нее и стал углублять буквы, пристукивая по кремню гольшом.

От непривычной работы он быстро устал и вскоре решил выбить только заглавные буквы своего имени, отчества и фамилии и последнее, наиболее важное слово — «миоцена».

Когда он закончил работу, солнце уже палило вовсю. Рубашка давно высохла и снова взмокла на спине от пота. Генка отбросил гольщ, метнул кремень в ближайшее дерево и снова взялся за «Диогеновы часы».

Прощальным взглядом он окинул лохматое *покрывало* сумрачных лесов. Ветер усилился, и высокие кроны раскачивались под его порывами. С кривых ветвей изредка срывались какие-то плоды, постукивая по сучьям, падали в густую траву.

Один из них глухо щелкнул по камню и отскочил к подножью скалы прямо под Генкой. Генка посмотрел на него, отвел глаза, опять посмотрел и... не выдержал. Сжимая в руке машину времени, он прыгнул со скалы, поднял круглый, как большая вялая слива, плод, колупнул его пальцем. Кожура легко отделилась, и Генка увидел обыкновенный грецкий орех, точно такой же, как те, что продаются в любом магазине «Фрукты — овощи».

Все еще не веря, Генка расколол орех зубами и съел чуть горьковатое ядро. Затем подбежал к дерену и сильно тряхнул. С дерева посыпались орехи. Генка собирал их в траве, клал в карман и снова тряс дерево.

Громкое шипенье заставило его вздрогнуть и стремительно повернуться.

Плавно раздвигая траву, к Генке быстро струился узкий желтый ручей. Вот передняя часть ручья поднялась, и Генка увидел плоскую головку с блестящими бусинками глаз... Он сдавленно закричал, взмахнул руками. Длинная цепочка «Диогеновых часов» описала в воздухе круг и хлестнула его по лицу.

Молнией мелькнула мысль: «Машина времени!»

Генка отпрянул в сторону, дрожащими пальцами пошарил по металлической крышке и, прежде чем желтое змеиное тело мелькнуло в воздухе, резко крутнул первую же попавшуюся головку.

ГЛАВА III,

где речь идет о коритозаврах, птеродактилях, стегозавре и других животных, которых еще не видел ни один человек

Прямо в глаза били яркие лучи низко стоящего солнца. В ушах звенело. Нестерпимо хотелось пить. Но первое, о чем Генка подумал, была машина времени. Она лежала рядом — длинная цепочка змеей извивалась на песке.

В памяти всплыли живой желтый ручей, плоская голова змеи с холодными мерцающими глазами. Генка вздрогнул и вскочил на ноги.

Он стоял у подножья высокого, вытянутого в длину холма, из хребта которого, как черные клыки, торчали острые скалы. Все вокруг покрывал золотистый песок. Над песчаными волнами поднимались редкие деревья, похожие на обмотанные соломой бочки. Деревья были без ветвей. Прямо из макушек торчали длинные перистые листья. За холмом начинался лес.

Генка повернулся в другую сторону. Вдали синело большое озеро. Ветер доносил оттуда запах гниющих водорослей.

С трудом переставляя ноги, Генка заковылял к озеру. Пройдя несколько шагов, он остановился, еще раз внимательно посмотрел вокруг. Проверил, на месте ли перочинный нож и увеличительное стекло, затем, обернув цепочку вокруг руки, крепче зажал в ладони машину времени и двинулся дальше.

Очевидно, было утро. Солнце медленно ползло к зениту, и его лучи сильно нагревали голову. Идти было трудно. Мелкая пыль поднималась при каждом шаге, оседала на губах, попадала в рот, усиливая чувство жажды.

В кармане глухо постукивали грецкие орехи. Генка достал несколько, разгрыз и съел. Но от орехов жажда не уменьшилась, и волей-неволей пришлось прибавить шаг.

У самого берега он вспугнул несколько странных, похожих на общипанных кур, зверьков. Дергая тонкими шеями, они проворно запрыгали в стороны.

Прямо в ботинках Генка шагнул в воду и, черпая ладонями, стал пить. Вода была теплая и довольно соленая. Сделав несколько глотков, он сплюнул и разочарованно вышел на берег. Однако пить уже хотелось меньше.

Генка присел, снял ботинки и вылил из них воду. Хотелось искупаться, но в синей глубине могли таиться хищные животные. Генка вспомнил страшные зубастые морды на рисунках в книге «По путям развития жизни» и поежился. Меньше всего ему хотелось, проникнув на миллионы лет в прошлое, быть съеденным какой-нибудь ископаемой акулой.

Несколько минут он сидел на берегу и швырял в воду камни. Потом в нем опять проснулось любопытство. Он обул ботинки, подобрал длинный сук и зашагал вдоль берега.

Похожие на общипанных кур зверьки испуганно прыгали перед ним, затем опять возвращались к берегу, суетливо шныряли между камнями, искали что-то и, задрав мордочки, жадно проглатывали.

Генка перевернул отшлифованный водой камень. Красный рачок, угрожающе шевеля клешнями, торопливо пополз к воде. Генка подцепил его палкой и выбросил далеко на песок.

К рачку тотчас подскочил зверек, схватил его — Генка это отчетливо видел — маленькими бледными ручками и молча отбежал в сторону.

— Вот это фокус! — вслух удивился Генка и стал подкрадываться к зверьку. Тот разорвал рачка голенастой лапкой, жадно обкусывал светлое рачье брюшко и не обращал на Генку внимания.

Генке удалось подробно рассмотреть его. Плоская лягушечья голова незаметно переходила в длинную дряблую шею. Тело было продолговатое. Спереди узкое, оно затем расширялось и заканчивалось толстым, острым, как у ящерицы, хвостом. Передние ноги были маленькие и, очевидно, слабые, зато задние, непропорционально крупные для такого щуплого тельца, бугрились мускулами и были вооружены черными когтями.

«Какой-то выродившийся ящеренок! — с брезгливостью подумал Генка.- Вот бы найти настоящего гигантского ящера!» И тут же он увидел на слежавшемся прибрежном песке отпечатки широких перепончатых лап с глубоко вдавленными следами когтей.

Ахнув, Генка выпрямился и огляделся. Кругом было пустынно. Нестерпимо желтел под солнцем песок. Тихо плескалась вода. Невдалеке, в болотистой низинке, спадающей к озеру, застыли заросли папоротников и хвощей.

В этой тишине было что-то тревожное. Генка вдруг словно со стороны увидел себя, одинокого и незащищенного, на берегу таинственного доисторического озера, и безотчетная тревога охватила его.

Настороженно озираясь, он направился дальше вдоль берега. Под ногами сухо потрескивал истлевший хворост и шелестели выброшенные на берег высохшие водоросли. Звонко хрустели, попадая под каблук, крупные продолговатые раковины. Шум шагов тут же затихал и как бы подчеркивал мертвую тишину первобытной пустыни.

Когда Генка перелезл через выброшенный водой потемневший ствол дерева, он услышал плеск и проворно обернулся. В воде никого не было видно. Только ровные круги плавно разбегались в стороны и незаметно затихали. Несколько секунд Генка напряженно всматривался в воду, затем подобрал камень и бросил в озеро. Никто не появился. Генка швырнул еще один камень, немного подождал и хотел уже продолжать путь, как вдруг снова раздался плеск и из воды поднялась крупная голова с выпученными глазами и высоким петушиным гребнем. За ней показалась короткая шея. Неожиданная волна звонко плеснула о камни, и, с шумом расплескивая воду, на берег вышел исполинский ящер.

Генка отпрянул и со всех ног бросился бежать прочь от озера.

«Часы, часы, Диогеновы часы», — лихорадочно твердил он про себя, стараясь на бегу нащупать рубчатые головки машины времени. Жгучий страх захлестывал его сердце. Всей спиной он чувствовал, как к нему протягивается тупая оскаленная морда с блестящими клыками и незащищенный затылок обдает горячее дыхание зверя. Дико заорав, Генка схватил непослушными пальцами стальную головку и резко повернулся, готовый в ту же секунду пустить в дело машину времени.

Рядом никого не было. Мирно желтели пустынные пески, и далеко, на берегу озера, спокойно прогуливался на задних лапах несуразный и нестрашный издали ящер.

— Ах ты безмозглый крокодил! — облегченно выругался Генка и, увязая в песке, медленно побрел обратно. Остановившись метрах в ста от берега и па всякий случай не выпуская из рук машину времени, он сел на горячую землю и стал наблюдать за ящером.

Вблизи ящер выглядел довольно угрожающе. Высокий роговой гребень на лбу и широкие ноздри придавали ему свирепый вид. Морщинистую кожу покрывала бугристая чешуя. Ящер грузно шагал на массивных задних лапах. Короткие передние нелепо болтались в воздухе. Мощный хвост волочился по земле.

«Коритозавр», - узнал Генка ящера, вспомнил «По путям развития жизни».

Он поднялся, нашел в песке камень и, сделав несколько шагов вперед, швырнул его в сторону коритозавра. Камень не долетел.

— Безмозглый крокодил! — с удовольствием повторил Генка. Он вооружился новым камнем, бросил взгляд на «Диогеновы часы» и решительно двинулся к берегу.

Когда до гигантского ящера осталось каких-нибудь тридцать шагов, тот поднялся во весь свой более чем пятиметровый рост и внимательно посмотрел на Генку.

Генка замер. Несколько секунд они в упор разглядывали друг друга. Затем коритозавр опустил голову, сорвал передней лапой пучок травы и отправил в рот. «Как руками», -

машинально подумал Генка и, размахнувшись, бросил камень в ящера. Камень перелетел через гребенчатую спину и плюхнулся в воду. Генка посмотрел туда и увидел второго коритозавра. Высунувшись наполовину из воды, он шарил по дну, очевидно обрывая водоросли. Челюсти обоих животных равномерно двигались. Генка даже услышал неприятный скрип, словно кто-то тер один о другой два камня.

Подняв еще один гольщ, Генка опять метнул его в ближайшего ящера. Камень глухо ударил по толстой шее. Коритозавр вздрогнул и перестал жевать. Очередным камнем Генка попал ящерицу в спину. Тот вскинул голову и оглянулся. На Генку он почему-то не обращал внимания. Третий камень отскочил от лобового гребня. На этот раз коритозавр не выдержал, грузно повернулся и с шумом вошел в воду. По озеру побежали волны.

— А-ту, а-ту, улю-лю! — в восторге закричал Генка и побежал к берегу.

Коритозавр неторопливо повернул к нему морщинистую морду. Выпученные глаза равнодушно глянули куда-то мимо. Генка почувствовал, как неприятный холодок пробежал по спине, но тут коритозавр опустил голову и скрылся под водой. Второй коритозавр посмотрел на Генку и тоже нырнул. Вода забурлила, и спустя секунду никого не было видно.

«Испугались! Тут вам не какое-нибудь пресмыкающееся, а человек, царь природы!» — с гордостью подумал Генка и презрительно сплюнул в озеро.

Вскоре снова напомнила о себе жажда. Генка оглядел берег и решил, что скорее всего ручей с пресной водой можно встретить где-нибудь у начала спадавшей к озеру болотистой низинки. Опираясь на палку, он направился к зеленеющим невдалеке папоротникам.

Было около полудня. С безоблачного неба немилосердно палило солнце. Ветер стих. Изнемогая от жары, Генка дотащился до болотца и там действительно нашел неширокий ручей, струящийся в тени развесистых папоротников. На всякий случай поломав папоротники палкой, он спустился к ручью и, упершись руками в кромку сырого берега, жадно напился. Вода была холодная и пахла прелыми листьями.

Генка вгляделся в илистое дно, но рыбы не увидел. Только зеленая ящерица с приплюснутой головой и неровными зубьями костистого спинного гребня плавно скользнула возле поверхности воды и, суетливо перебирая лапками, вылезла погреться на камень.

Генка бросил в нее комок земли. Ящерица надвинула на глаза роговые пластинки и замерла. «Не боится», — с уважением подумал Генка, хотел было толкнуть ящерицу палкой, но передумал и поднялся на ноги.

Какая-то птица пролетела над ручьем и резко спикировала в заросли хвощей.

«Утка!» — почему-то решил Генка и вдруг вспомнил, что, кроме нескольких орехов, он еще ничего не ел.

«Эх, рогатку бы сюда!» — вздохнул Генка и, чтобы хоть узнать, что это за птица, стал осторожно подкрадываться к хвощам.

Неожиданно он увидел птицу почти рядом. Погрузив голову в воду, она искала что-то на дне ручья. Без долгих раздумий Генка запустил в нее палкой. С хриплым криком птица подскочила и, волоча сломанное крыло, заковыляла по берегу. В несколько прыжков Генка догнал ее и добил камнем.

Но это была не птица. Прямо из кожистых, как у летучей мыши, крыльев торчали скрюченные жабы пальцы. Сзади крылья тоже срастались с ногами, голыми и кривыми. Но безобразнее всего была узкая голова с вытянутыми зубастыми челюстями, которые все еще

сжимали разодранную ящерицу. «Птеродактиль», — вспомнил Генка название летающего ящера. Он приподнял птеродактиля за крыло и с отвращением швырнул прочь.

«Выходит, я попал в мезозойскую эру — в эру ящеров, — невесело установил Генка. — И звери — ящеры, и птицы — ящеры, и даже эта, разодранная, не ящерица, а маленький ящер».

Он хмуро разглядывал окрестности, пока его не заставила обернуться какая-то возня позади. Возле убитого птеродактиля уже суетилось несколько мелких ящеров. Прыгая на задних лапах, они рвали острыми зубками голубоватое мясо и отталкивали друг друга. «Вот где капиталистические замашки!» — философски заметил Генка и, размахивая палкой, зашагал по песку к темнеющему за холмом лесу.

В лесу царил полумрак. Высоко к небу тянулись стройные, словно подстриженные, кипарисы. Чуть пониже широко раскинули мохнатые ветви голубые пихты. Под ними гигантскими клубками змей извивались араукарии с мелкими глянцевитыми листочками и шершавыми серыми стволами. Над самой землей курчавились густые кустарники.

Генка отыскал в тени небольшую прогалинку и улегся на жесткую траву. Сильно хотелось есть. В животе урчало. Нужно было что-то предпринимать.

Немного передохнув, он поднялся и пристально стал разглядывать деревья. Но ничего съедобного не попадалось на глаза.

Было о чем призадуматься. Вообще-то Генка мог вернуться в эру млекопитающих и попробовать убить какого-нибудь зверька или на худой конец поискать в лесу плодов и ягод. Но ему не хотелось покидать мезозойскую эру, так и не встретив огромных, почти тридцатиметровых бронтозавров и похожих на живую гору диплодоков — гигантских ящеров, рисунки которых он видел в книге «По путям развития жизни».

Пришлось изобретать, чем бы утолить голод. Он вспомнил, как недавно (нечего сказать — недавно!) ездил с отцом за город, в лес. На каждом шагу им попадались разные грибы и ягоды. Здесь ничего этого не было и в помине. Что же касается мяса ящеров, то Генка не знал, можно ли его есть. Кроме того, как только он вспоминал отвратительного птеродактиля, которого разрывали маленькие ящеры, у него вообще пропадал аппетит к мясной пище. И вдруг его осенило. «А ведь рыба — древнейшее животное! — вспомнил он и хлопнул себя по лбу. — Рыбы появились задолго до мезозоя, следовательно, должны быть и сейчас. Нужно только получше поискать их в ручье».

С этими мыслями Генка поднялся и, приспособив на голове два широких листа, соединенных черенками, снова зашагал по раскаленному песку к ручью.

Вооруженный своей испытанной снастью — рубахой с завязанными рукавами и воротом, он долго ходил вдоль сонного ручья. Рыбы не попадалось, зато в песке он нашел несколько яиц. Яйца были желтоватые, немного меньше куриных. Даже вблизи они сливались с песком, и, не наступив Генка на одно из них, он бы их так и не заметил.

Раздавленное яйцо оказалось свежим. «Вот так

Открытие! — обрадовался Генка. — А ведь ученые считают, что птиц в мезозое не было».

Искать объяснения ошибке ученых было некогда — голод давал себя знать. Собрав охапку полузасыпанного песком хвороста, Генка присел над ним с увеличительным стеклом, и вскоре почти невидимый при ярком солнечном свете огонь весело потрескивал над костром, а еще через десяток минут в тени бочкообразной пальмы Генка, обжигаясь, общипывал скорлупу и поедал печеные яйца.

Покончив с обедом, он спустился к ручью, напился и вдруг почувствовал неодолимое желание уснуть. Сказывалось напряжение долгих часов, насыщенных необычными

приключениями. Но лещ Генка не отважился. Первобытная пустыня с далеко не разведанным животным миром таила в себе множество опасных неожиданностей.

Он умыл лицо холодной водой и почувствовал себя бодрее. Однако отдохнуть все же не мешало. Больше всего для этой цели подходил крутой холм, у подножья которого очутился Генка, чудесным образом проникнув в мезозойскую эру. Неуклюжим, тяжелым ящерам трудно было бы подняться на него. Кроме того, с вершины холма скорее можно было заметить гигантских животных, если бы они появились поблизости.

Генка смочил увядшие листья своей импровизированной шляпы, нахлобучил ее на голову и снова (в который раз за этот день!) запылил по песку.

В неглубокой ложбинке он заметил еще несколько яиц. «Это будет на ужин!» — обрадовался Генка и рассовал яйца по карманам.

Между тем перевалило на вторую половину дня. Не слышалось ни дуновения. Раскаленный воздух дрожал над песчаными дюнами, из-за которых иногда поднимались безобразные морды мелких ящеров.

Обливаясь потом, Генка добрался до одинокой пальмы примерно на половине пути, раздвинул свисающие до земли широкие листья и в изнеможении опустился на песок. Яйца в кармане хрустнули. Генка ахнул, схватился за штаны и, почувствовав сквозь материю липкую жидкость, стал торопливо выворачивать карманы.

Треснули только два яйца. Одно из них упало на корень и расколосось. Скорлупки распались на две части, и на песок вывалилось маленькое скользкое тельце. Это был крохотный, недоразвитый ящер. Отчетливо различались тупая складчатая мордочка, голенастые задние и прижатые к груди короткие передние ноги. Тонкий хвост с уже заметными бугорками на месте будущих шипов был подвернут к брюшку и теперь неуверенно разгибался.

«Так вот что это за птица!» - растерянно подумал Генка и неожиданно для самого себя расхохотался. Он и сам не сказал бы, чего смеется. В его положении не было ничего смешного. И все-таки он хохотал, хватаясь за живот и хлопая себя по коленям. Долгое напряжение дикой, полной неизвестности обстановки прорвалось в этом сумасшедшем хохоте.

Внезапно, словно поперхнувшись, он смолк. Довольно крупный летающий ящер с длинным мышинным хвостом и оскаленной мордой стремительно спланировал вниз. Цепкие задние лапы подхватили что-то, ящер замахал узкими крыльями, но взлететь не мог. Толстый ящеренок, закованный, как средневековый рыцарь, в костяные пластины, испуганно бился в кривых когтях.

«Кажется, рамфоринх», - попробовал Генка узнать летающего ящера и вдруг подумал, что рассматривает его почти без интереса. Слишком много необычного пришлось ему увидеть за последнее время, и он стал уже привыкать к этому.

А рамфоринх между тем перевернул ящера на спину и, часто оглядываясь, рвал зубами белое незащищенное брюхо. Генке стало противно, он хотел спугнуть крылатого хищника, но вместо этого поднялся и побрел к недалекому уже холму.

Огибая край леса, он заметил еще одного рамфоринха. Тот спокойно летел над деревьями, а потом резко взмыл вверх. Навстречу ему из леса вылетел другой, более крупный ящер и с хриплым криком бросился на рамфоринха. В воздухе захлопали крылья. Быстро снижаясь, ящеры били друг друга когтями и терзали зубами. Рамфоринх упал на землю и, проворно подскакивая, бросился в кусты. Второй ящер поднялся над лесом, сделал широкий

плавный круг и улетел к озеру.

Незаметно погода изменилась. Подул ветер. Кроны деревьев тревожно зашептались. Кое-где раздавался треск. По небу побежали рваные облака, и тяжелая серая туча заволокла горизонт.

Солнце исчезло. Сразу наступили сумерки и ветер стих. Над землей повисла зловещая тишина. Неожиданно полыхнула молния, и тотчас оглушительно загрохотал гром.

Генка в страхе пригнулся. Издалека до него донесся усиливающийся гул, и, едва он успел юркнуть под длиннолистую пальму, как с неба сплошным потоком хлынула вода.

Молнии сверкали одна за другой. Беспрерывно ревел гром. Вокруг все трещало и рвалось. Несколько раз от молний загорались деревья и тут же гасли.

Ручей вышел из берегов и превратился в бурную реку, по которой, беспорядочно кружась, плыли смытые деревья. Вода затопила заросли папоротников и хвощей и быстро приближалась к пальме, под которой дрожал от холода Генка.

Натянув на голову ворот рубахи, он выскочил из-под пальмы и, подстегиваемый ударами дождевых струй, бросился бежать к длинному холму.

Заметив нависший над склоном валун, Генка сунулся было туда, но тут же отпрянул. Прямо в лицо злобно прошипела рогатая голова метрового ящера, а толстый хвост с торчащими на конце острыми зубьями угрожающе хлестнул по камням. Генка отскочил назад и метнул в ящера камень. Ящер зашипел еще громче и плотнее вжался в расселину.

Генка бросился к соседнему валуну и с облегчением увидел, что там никого нет. Прислонившись спиной к шероховатому камню, он прижал колени к груди и обхватил их руками.

Однообразно бурлила спадающая с холма вода. Было сыро и неудобно. Мокрая рубашка липла к телу. Сжавшись в комок, Генка стал клевать носом, и вскоре тревожный сон слепил его веки.

Проснулся он уже под вечер. Ливень прошел, и все вокруг: и листья, и камни, и потемневший песок — таинственно мерцало непросохшими каплями.

Генка зябко поежился, стал подниматься на холм и вдруг замер на месте: в каких-нибудь двух десятках шагов, медленно двигаясь по краю леса, щипал зеленые побеги диковинный ящер. Длина его была около семи метров. Могучее тело опиралось на четыре толстые ноги. Передние были короче задних, и казалось, что ящер, наклонившись, что-то вынюхивает на влажной траве. Вдоль выпуклого хребта тянулся двойной гребень из костных щитов. Короткий широкий хвост заканчивался двумя парами длинных шипов. Маленькая клювастая головка смешно сидела на короткой, изрезанной морщинами шее. «Стегозавр», — узнал ящера Генка.

Стегозавр спокойно переваливался на коротких лапах. Все его щиты колыхались. Хвост волочился по земле и цеплялся за кусты.

«Ну и страшилище! — подумал Генка.- Такому только попадись на зубок!»

Но стегозавр отличался, очевидно, мирным нравом. Неторопливо объедая мокрую траву и тонкие ветви, он протопал мимо Генки и скрылся за краем леса.

Генка опять остался один. Надвигалась ночь. Мокрая одежда не грела, и при мысли о том, что придется провести ночь на голом холме, по Генкиной спине пробежали зябкие мурашки. При свете догорающего заката он присел на камень, зажал в ладони машину времени, нащупал крайнюю головку и без колебаний плавно ее повернул.

Г Л А В А IV,

которая приводит героя в каменноугольные болота, раскрывает тайну третьей головки, показывает охоту под северным сиянием и бегство в будущее

Багровое солнце с трудом пробивалось сквозь туманный, насыщенный испарениями воздух. Звенели комары. Вокруг, насколько видел глаз, раскинулось болото, усеянное бесчисленными островками. Прямо из воды поднимались причудливые растения. Угрюмо чернели пустотелые пни, иссеченные следами опавших листьев. Над ними возвышались гладкие зеленоватые стволы с беспорядочно свисающими с вершин бугристыми побегами. Легкий ветер шевелил резные листья папоротников и доносил прелый запах гнилого дерева.

По-видимому, Генка попал в палеозойскую эру, в карбонский или пермский период, или, как их еще называют, - в каменноугольный период.

Генка представил, как на дне болот вырастают толстые слои мертвых стволов, как их засыпают многотонные прессы песка. Много миллионов лет пройдет, прежде чем эти угрюмые папоротники и безлистые деревья опять поднимутся на солнечный свет, но уже в виде черного каменного угля, погруженного в шахтерские вагонетки.

Свесив ноги с квадратного бурого камня, Генка грелся в лучах восходящего солнца и задумчиво разглядывал бескрайнее болото. Свой очередной перелет из эры в эру он перенес довольно легко. Очевидно, сказалась тренировка.

В палеозое Генка очутился на длинном скалистом гребне с острыми колотыми краями, по которым вились стебли красноватых ползучих папоротников.

Постепенно солнечные лучи разогнали туман. Гигантские лужи заблестели. Сквозь прозрачную воду стали видны потемневшие стволы затопленных деревьев. По уступам скалистого гребня забегали пестрые ящерицы. Быстро перебирая лапками, они карабкались по камням и смешно подскакивали. Присмотревшись, Генка понял, что ящерицы охотятся за насекомыми. Он различил белых мотыльков с прозрачными крыльями, разноцветных мух и еще каких-то, похожих на огромных комаров насекомых.

На лист ползучего папоротника в нескольких шагах от него опустилась гигантская стрекоза. Полуметровой длины крылья плавно покачивались в воздухе. Генка поднялся. Стрекоза взмахнула крыльями и, жужжа, как игрушечный самолет, отлетела подальше.

Генка спустился к воде. Из-под ног врассыпную метнулись ящерицы. Такие же ящерицы быстро сновали в воде, проскакивали под затопленными стволами, раздвигая бледные водоросли, и гонялись за водяными жуками.

После всего увиденного прежде Генке здесь было неинтересно. Он опять взобрался на камень и стал обдумывать свое положение. Первым делом он призвал на помощь память и попытался разобраться в продолжительности периодов развития жизни на земле.

Итак, он находился в каменноугольном периоде. До появления людей,- кажется, это время называлось антропоэем, последним периодом кайнозойской эры,- оставалось около трехсот миллионов лет.

Насколько помнил Генка, философ Диоген говорил, что каждое деление на циферблате машины времени означает ровно миллион лет. Он пересчитал деления на внешнем кругу. Их было сто. Значит, чтобы опять попасть к людям, нужно перевести стрелку на три полных оборота вперед. Оставалось только угадать, какая из четырех головок ее двигает.

Назначение одной из головок Генка уже знал. Если повернуть часы циферблатом к себе, то крайней правой будет головка, переводящая стрелку в прошедшее время. А остальные?

Генка решил на этот раз довести дело до конца и изучить весь механизм управления машиной времени. Застегнув на все пуговицы рубаху и зажмурил глаза, он взялся за вторую справа головку и тихонько повернул.

Кругом было тихо. Генка нерешительно открыл глаза. Перед ним по-прежнему простиралось каменноугольные болота. Пестрая, как шахматная доска, ящерица пробежала по Генкиной ноге и слизнула с колена зеленую муху.

Холодный пот выступил на Генкином лбу. «Машина времени испортилась!» — в ужасе подумал он и еще раз крутнул рубчатую головку. Однако все осталось по-старому.

Генка потряс коварные часы, зачем-то приложил их к уху и бросил недоуменный взгляд на все еще сидевшую на ноге ящерицу. Ящерица смотрела на Генку круглыми рыбьими глазами и хитро подмигивала.

В отчаянии Генка схватился за третью головку и стал ее крутить.

Что-то оглушительно зазвенело, горячее дыхание опалило кожу, в глазах потемнело. Упругая волна ударила в лицо, и, застонав, Генка упал без чувств.

Когда он очнулся, над ним опять голубело небо. Пестрая ящерица с рыбьими глазами по-прежнему висела на штанине, судорожно вцепившись в материю. Генка вскочил, поднял сучок и брезгливо стряхнул ее. Шлепнувшись на землю, ящерица подрыгала лапками, перевернулась на брюшко и неловко забарахталась в густой траве.

Пошатываясь от слабости, чувствуя ноющую боль в суставах, Генка сделал несколько шагов и остановился на краю каменистого склона. Внизу под лучами солнца зеленел лиственный лес. Генка узнал могучие шапки дубов, резную листву кленов. В темных кронах каштанов белели свечи цветов.

Генка окинул взглядом скалистую грядку, на которой стоял. Что-то знакомое мелькнуло в беспорядочном нагромождении камней. Заинтересованный, он поднялся на вершину.

На плоском камне виднелись выцарапанные буквы. «ГАД МИОЦЕНА», - прочитал Генка и рассмеялся. Когда-то он выцарапал здесь надпись: «Геннадий Алексеевич Диогенов. Сентябрь миоцена». Теперь надпись стерлась. Сохранились только более глубоко вырезанные заглавные буквы и слово «миоцена». Да, это была та самая гряда, с которой два дня назад Генка отправился в мезозойскую эру. Он возвратился почти в то же время. Судя по сохранившимся буквам, всего лишь на несколько десятков лет вперед.

Маленький динотерий, которого Генка видел вон на том пологом холме, должно быть, давно уже превратился в огромного зверя. А может, жив еще и тот динотерий, которого Генка встретил первым и благодаря которому поверил в чудесную силу «Диогеновых часов»?

Где-то недалеко, у подножья пологого холма, должен протекать ручей, в котором Генка ловил рубахой рыбу.

Приготовив машину времени, чтобы в случае опасности спастись бегством, Генка спустился с гряды и вошел в лес.

В лесу было значительно суше, чем прежде. Лианы почти исчезли, зато кусты разрослись буйной порослью. Генка шагал, решительно раздвигая кустарник, и неожиданно очутился на берегу глубокой реки. Он растерянно оглядел мутную воду.

Река петляла между сумрачных берегов и терялась в плотной стене темной зелени. Выше по течению Генка увидел отмель. Река здесь расширилась, закипала пеной и с шумом перекатывалась через камни.

Несколько стволов застряло между камнями. Вода прибила к ним другие стволы, и теперь берега соединяла плотина, сквозь которую хлестала вода.

Не долго думая, Генка продрался сквозь прибрежные кусты, благополучно миновал заросли высокой крапивы и по шатким бревнам перебрался на другой берег.

Вскоре он уже подходил к подножью холма, но ручья так и не встретил.

Ручей то ли высох, то ли превратился в реку. Там, где Генка когда-то ловил пескарей, земля поросла бурными папоротниками.

Он взобрался на холм. Среди высокой травы пестрели цветы. Над ними порхали бабочки. Леса, начинавшегося за поляной, уже не было. В маревную даль убегала холмистая степь. Только у самого горизонта виднелась узкая голубая полоска.

Очевидно, со времени, когда здесь паслись динотерии, прошло значительно больше чем несколько десятков лет.

Генка почему-то вздохнул, и вдруг ему страстно захотелось услышать человеческий

голос. Только сейчас он понял, как сильно все эти дни тосковал по живым людям. Даже диковинных ящеров было бы куда интереснее рассматривать, находишь рядом кто-нибудь, с кем можно было бы поделиться впечатлениями, запросто окликнуть или хотя бы сказать: «А посмотри, какое чудовище!».

Светило солнце, о чем-то своем шептались травы. Где-то, может быть, совсем рядом, бродили неизвестные звери, но Генка вдруг потерял к ним всякий интерес. Он почувствовал невыносимую усталость от острых ощущений, тревожных снов, вечной настороженности, от которой не мог избавиться все это время, проведенное на заре развития жизни.

Пора было возвращаться в свой, привычный мир, в котором жили мать и отец, в котором были школа, товарищи, был знакомый, родной город.

Управление машиной времени Генка уже освоил. Крайняя правая головка переводила время назад; соседняя, очевидно, служила для заводки чудесного механизма; следующая, третья головка двигала стрелку на миллионы лет вперед. Оставалась четвертая головка. Насколько Генка помнил объяснения Диогена, одна из головок служила, как выразился философ, для точной наводки. По всей видимости, это и была четвертая головка. При ее вращении стрелка двигалась по внутреннему кругу, каждое деление которого означало тысячу лет.

По самым скромным Генкиным подсчетам, до появления людей оставалось еще несколько миллионов лет. Поэтому, вздохнув, он взялся за третью головку.

На миг в предчувствии боли у него защемило сердце. Сжав зубы, Генка переборол страх и, заранее съездившись, повернул рубчатый шарик.

Очнулся Генка от холода. Он лежал в снежном сугробе. Была ночь. В черном небе полыхало северное сияние. Издали доносился чей-то вой. Выбивая зубами дрожь, Генка вскочил на ноги. Свирепый мороз безжалостно колот кожу. Ноги заоченели. «Плейстоцен, ледниковый период,- догадался Генка.- Теперь до людей рукой подать!»

Вой продолжался.

В дрожащем свете северного сияния по снежной равнине в сторону Генки мчался стройный, величиной с крупную лошадь красивый олень. Над прямым лбом ветвились огромные рога.

Сзади и сбоку, обтекая оленя, неслась волчья стая.

Окочневшими пальцами, плача от холода и боли, Генка пробовал ухватить крайнюю заветную головку точной наводки и не мог нащупать ее.

Олень приближался. Из его ноздрей вылетали частые облачка пара и оседали инеем на гордой шее. Генка уже слышал шумное дыхание загнанного животного.

Несколько волков отделились от стаи и помчались к Генке. Тогда в отчаянии Генка сжал крайнюю головку зубами и, обдирая о застывший металл губы, с усилием ее повернул.

ГЛАВА V,

в которой дожди относятся к коммунальным услугам, деньги находят себе место в коллекциях, никто не знает, что такое военная тайна, и только розы по-прежнему цветут на клумбах

Генка лежал, свернувшись калачиком и обхватив плечи руками. В ушах затихал звон, все мышцы болели. Сознание медленно, как бы неохотно возвращалось к измученному мальчишке.

Он с трудом разлепил веки и у самых глаз увидел густую шелковистую травку. Крохотные цветочки голубыми звездочками разбежались по хрупким стебелькам и безмятежно выглядывали из-под мелких нежно-зеленых листков.

Кругом было тихо. Пахло влажной землей и розами. Генка поднял голову и увидел низкие колючие кустики, усеянные яркими бутонами самых различных оттенков: от бело-голубого, как январский снег, до темно-красного, как складки пионерского знамени.

Вдруг Генка широко раскрыл глаза: розы росли на клумбе. Да, да! На длинной, окаймленной блестящими черепицами клумбе. Земля под розами была аккуратно вскопана и выравнена граблями.

Ничего не соображая, Генка сел и протер глаза. В просветах между деревьями виднелись светлые стены зданий.

— Сквер! — не то сказал, не то подумал он и почувствовал, как к горлу подкатил упругий комок, а сердце захлестнула жгучая волна счастья.

Рядом послышались голоса. Говорили на русском языке. Генка разбирал слова, но от волнения не мог понять, о чем говорили. Бессильно опустив руки, он смотрел на белые здания, и радостные слезы медленно катились по опаленным щекам.

— Мальчик, почему ты сидишь на траве? — донесся до Генки тоненький голосок, и, повернувшись, он увидел небольшого мальчугана в просторной серебристой рубашке.

Мальчик стоял в просвете между кустами роз и удивленно смотрел на Генку.

— Ты плачешь? — Тоненький голос дрогнул.- Ты, видно, болен. Я сейчас позову кого-нибудь...- заторопился мальчуган, но Генка остановил его.

— погоди! — Он торопливо вытер глаза.- Я здоров!

За розами проходила асфальтовая дорожка. Генка вышел на нее.

— Как ты измазался! — воскликнул мальчуган.- Ты, наверное, упал?

— Так и есть. С неба,- приходя в себя, насмешливо ответил Генка.

— У тебя авария случилась? — серьезно допытывался мальш, но Генка не ответил. Что-то странное в маленькой подтянутой фигурке привлекло его внимание. То ли аккуратно причесанные волосы, то ли диковинные туфельки из цельного куска белой пластмассы, то ли необычная рубаха с голубым бантиком.

Генка молча протянул руку, пощупал серебристую материю.

— А ты стилияга! — неодобрительно сказал он удивленному мальчугану и кивнул на видневшиеся за деревьями здания. — Это что за город?

— Минск, — к Генкиной радости, ответил мальчуган и тут же спросил: — А что такое «стилияга»?

Генка только иронически пожал плечами и, оглядываясь по сторонам, направился к выходу из сквера.

— Куда ты, мальчик? Хочешь, я покажу тебе, где находится станция связи? — бросился было за ним мальчуган.

— Ты чего пристал? Жми отсюда! — буркнул Генка, прибавляя шагу.

За сквером, между высокими домами, тянулся бульвар — длинные ряды рослых каштанов обступили широкие тротуары. Середина бульвара была превращена в сад. С аккуратно подстриженных деревьев свисали румяные яблоки, синие сливы и гроздь красных продолговатых ягод.

«Ничего себе микрорайончик!» — с гордостью за свой город подумал Генка. Шагая по гладкому асфальту, он оглядывал увитые виноградными лозами просторные балконы, широкие окна с цельными, во всю раму, стеклами, искусную резьбу на стройных колоннах.

За высокими арками виднелись зеленые дворы с волейбольными и теннисными площадками.

Бульвар, по которому шел Генка, часто пересекали такие же бульвары. Над яблонями, словно во втором ярусе, он кое-где с удивлением замечал знакомые ему по мезозою кипарисы и пушистые пальмы с веерами глянцевиных листьев.

Генка прошел уже несколько кварталов, а неизвестный микрорайон все не кончался. Наконец, потеряв терпение, он остановил какого-то прохожего и вежливо спросил, как пройти к центру.

Прохожий недоуменно раскрыл глаза.

— Ты, очевидно, имеешь в виду центральную станцию городского метрополитена? Тогда тебе нужно пройти два квартала и затем повернуть вправо. Если торопишься — лифт в соседнем подъезде. Можешь проехать туда в метро.

Он подождал немного, но Генка больше ничего не спросил. Прохожий пожал плечами, пошел было своей дорогой, а затем обернулся и, окинув взглядом Генкин костюм, сухо добавил:

— За следующим углом пункт обмена одежды. Тебе бы не мешало сначала зайти туда.

Генка ничего не понял, но сказал на всякий случай «спасибо» и побрел в указанном направлении.

Слова прохожего встревожили его не на шутку. «Метро в Минске?! А может, это не тот Минск?» Но сколько Генка ни напрягал память, другого города с таким же названием припомнить не мог.

Рассеянно дошел он до конца квартала, свернул за угол. Над широкими дверями действительно висела вывеска: «Пункт обмена одежды и обуви». Недоумеваемая, зачем его послали сюда, Генка все же толкнул неожиданно легко отворившуюся дверь и вошел в здание.

За дверью находилась просторная комната с множеством зеркал. На длинных вешалках висела различная одежда. Внизу, на специальных подставках, красовалась выставленная обувь. У стен стояли шкафы с надписями «женское белье», «мужское белье», «носки» и тому подобное. «Как в магазине», — подумал Генка.

Две застекленные двери с матовыми стеклами вели внутрь помещения. Над ними светилась надпись: «Душевые» и на дверях буквы — «М» и «Ж».

Вначале Генке показалось, что в комнате есть люди, но, присмотревшись, он понял, что кроме него никого нет. В зеркалах многократно повторялась его собственная растерянная фигура. Чумазое лицо, грязная, потрепанная одежда...

— Да, помыться бы мне не мешало, — вслух подумал Генка и нерешительно окликнул: — Эй, тетенька!

Почему «тетенька», Генка и сам не знал. Может быть, он просто привык к тому, что в магазинах чаще всего работают женщины.

Никто не отозвался.

«Была не была! Помоюсь и все! Ничего мне за это не сделают!» — отважился Генка и вошел в душевую.

Перед душевой была раздевалка. Никаких тумбочек и шкафов, как обычно в бане, Генка не увидел. У дверей стояли два ящика с надписями: «Для ненужной одежды» и «Для старой обуви», а посреди раздевалки — широкая скамья с вешалками вместо спинки.

Раздевшись, Генка аккуратно сложил одежду на край скамейки, внизу поставил ботинки

и по мягкой дорожке из зеленого пластика прошел в душевую.

Собственно, это была не душевая, а скорее какой-то лечебный кабинет. Кроме кабинок с обычными душевыми рожками, здесь было несколько ванн, блестящие тазы, какие-то резиновые шланги и сложные конструкции из никелированных трубок. На застекленной полке у входа лежало разноцветное мыло, стояли разнокалиберные флаконы и банки, висели чистые полотенца.

Забравшись в крайнюю кабину, Генка хотел пустить воду, но не нашел крана. То же было и в других кабинах. Переминаясь с ноги на ногу, он стоял посреди душевой и не знал, что делать.

В раздевалке послышались шаги. Сквозь неприкрытую дверь Генка увидел высокого старика, неторопливо снимающего ботинки. Рядом с ним лежал ворох новой одежды. «С вешалки взял», - догадался Генка.

Старик снял ботинки, перевязал их веревочкой и бросил в ящик «Для старой обуви».

Так же неторопливо он опустил в соседний ящик рубашку, носки, нижнее белье и, сложив остальное на скамейке, вошел в душевую.

— Ты чего грязную одежду оставил? — проходя к ванне, проворчал он. - Ждешь, чтобы кто-нибудь другой убрал? — и, не взглянув на растерявшегося Генку, уже мягче добавил: — Эх вы, молодежь, молодежь! Привыкли хорошо жить. Все к вашим услугам. Не видели вы трудностей, с которыми когда-то мы сталкивались...

Продолжая говорить, старик повернул указатель на шкале, которую Генка принял за термометр, и в ванне зашумела вода. Старик с кряхтением влез в ванну, потоптался и, пробормотав: «Горячей, горячей надо!» — передвинул указатель на шкале на несколько делений вверх. Подставил под струю ладонь: «Вот теперь в самый раз».

Смутная догадка мелькнула у Генки в голове. Он прошел в одну из кабинок и увидел на стене такой же «термометр» с пластмассовой ручкой. На шкале виднелись цифры: 15, 20, 25 и так далее до 70 градусов. Генка нерешительно потянул за ручку. Она подалась и легко заскользила вниз. Возле цифры 40 он отпустил ручку. В невидимых трубах забурлила вода, и на голову хлынул теплый дождь. Генка с наслаждением растирал плечи, подставлял под душ лицо и блаженно фыркал.

— Мыло, мыло возьми,- закричал из своей ванны старик и показал на полку,- с тебя же грязь потоком течет.

Генка сконфуженно посмотрел на забрызганный кафель и послушно взял с полки мыло.

— Ну-ка, давай я тебе спину потру! — поднялся из ванны старик.- Ты, поди, и не знаешь, как раньше спину мочалкой драли. Привык к автоматике! — и, взяв с полки губку, запыхтел над Генкиной спиной.

Спустя полчаса чисто вымытый Генка вышел в раздевалку. Полотенце он взять постеснялся и теперь размахивал руками, стряхивая с тела воду. Старик вышел вслед за ним и укоризненно пробурчал:

— Закаляешься, значит? — но полотенца не дал.

Он поднял с пола Генкины ботинки, удивленно посмотрел на них и, прежде чем Генка успел что-нибудь сказать, бросил в ящик «Для старой обуви». Потом натянул брюки, вышел и, вернувшись, молча положил на скамейку стопку чистой одежды и новые сандалии.

— Старую ты что, солить собираешься? — ворчливо спросил он.- Не забудь в ящик положить!

Старик с прежней неторопливостью оделся и ушел. На скамейке остались выглаженная голубая рубашка, узкие брюки, чистая майка и трусы.

Генка несколько раз переводил взгляд со своей потрепанной одежды на новую, затем вздохнул и стал натягивать на себя чистую майку.

Когда он вышел, часы на углу показывали четыре. Улицы оживились. Многочисленные прохожие заполнили тротуары.

Генка шагал вместе с веселой толпой, но чувствовал себя одиноко и беспокойно. Во всем: в домах, в одежде прохожих, в их поведении — было что-то незнакомое, но что — Генка не мог понять.

Пластмассовый щит на стене одного дома привлек Генкино внимание. На щите висела таблица со странным заголовком: «Расписание выпадания дождей на весенне-летний сезон 20.. года». Все дожди почему-то выпадали преимущественно ночью. Сбоку в миллиметрах указывалось количество осадков.

В самом низу Генка прочитал напечатанное мелким шрифтом объявление: «Для вызова дождей местного значения обращайтесь в отделы коммунального обслуживания соответствующего района».

Внезапно до Генки дошел смысл заголовка над таблицей: «...весенне-летний сезон 20.. года».

Так вот в чем дело! Значит, он «проехал» свой год и попал в Минск будущего! Сердце под рубашкой радостно застучало. Генка повернулся, по-новому оглядывая окружающее.

Позади него стоял знакомый мальчуган в серебристом костюмчике. Они встретились глазами.

— Я не обижаюсь на тебя,- серьезно сказал мальчуган.- Я понимаю, ты ведь упал и, наверное, ушибся. Тебе было больно?

— Нет, не очень...- смутился Генка и примирительно спросил: — Как тебя зовут?

— Бела,- доверчиво ответил мальчуган.

— Бела?! — удивился Генка.- Это же девочкино имя!

— И совсем не девочкино! — горячо запротестовал Бела.- Когда я родился, с Марса вернулась экспедиция венгерского космонавта Бела Рутаи, того самого, который нашел на Марсе водных животных. Вот меня и назвали в честь его.

Ни о Бела Рутаи, ни о марсианских животных Генка никогда не слышал, но спросить о них почему-то постеснялся.

— Ну что ж, Бела так Бела,- согласился он и, протягивая руку, представился: — А меня зовут Гена.

— Ты, наверное, издалека приехал?

Генке ничего не оставалось, как сказать, что да, он из очень далеких краев.

— Давай будем дружить! — предложил Бела.

— Давай! — согласился Генка, который очень хотел иметь хоть одного знакомого в

этом новом для него мире, и он со всей серьезностью еще раз пожал Беле руку.

— Куда мы пойдём? — спросил Бела нового приятеля.

Генка задумался. По правде говоря, он не знал, куда здесь можно пойти, и боялся попасть впросак.

— Я здорово проголодался,- сказал он и нерешительно посмотрел на Белу.

— Вот хорошо! И я давно не ел! — воскликнул Бела и потащил Генку через улицу.

В доме напротив, судя по вывеске, находилась столовая.

— Деньги у тебя есть? — смущенно спросил Генка.

— Есть, есть! — на ходу ответил Бела.- Я тебе потом их покажу.- И он распахнул перед Генкой дверь.

В прохладном зале было многолюдно. Умыв руки, приятели уселись за круглый столик, на массивной тумбочке в середине которого поблескивал стеклянный колпак с круглым, как у телефона, диском.

— Что будем есть? — деловито осведомился Бела, протягивая Генке раскрытое меню. «Что-нибудь подешевле», - подумал Генка и стал просматривать узкие плотные страницы.

В отдельных графах указывался количественный состав блюд, их калорийность, наличие витаминов и стояли какие-то четырехзначные номера. Стоимость блюд указана не была. Генка растерялся.

— Пожалуй, я бы поел борща и... котлету с картошкой,- нерешительно произнес он, вопросительно поглядывая на Белу. Генке было страшно неудобно, и он чувствовал, что краснеет.

Но Бела ничего не заметил.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Тогда я тоже возьму борщ и котлету, хотя беф-строганов, по-моему, лучше. И по два компота, идет?

— Идет! — согласился Генка.

Бела глянул в меню и набрал несколько номеров на телефонном диске. В тумбе что-то приглушенно загудело, под стеклянный колпак выползла тарелка с борщом.

Бела откинул колпак и поставил тарелку перед изумленным Генкой. Почти тотчас же появилась вторая тарелка и подносик с хлебом и двумя ложками.

Борщ был горячий, обильно сдобренный сметаной, и Генка справился с ним прямо-таки в рекордный срок.

Увидев пустую тарелку, Бела только ахнул. Он набрал на диске еще один номер и вынул из-под колпака тарелку с поджаренной картошкой и продолговатой котлетой.

Второе Генка поедал уже медленнее. Потом мелкими глотками выпил стакан компота, чуть отдохнул и допил второй.

Бела кое-как доел борщ, нехотя поковырял вилкой в котлете, но компот выпил полностью. Затем они сложили грязную посуду на подносик и опустили под стеклянный колпак. В тумбе опять зажужжало, и посуда исчезла.

После обеда Генку разморило. Захотелось посидеть в холодке столовой.

— Там что, конвейер? — похлопал ладонью по столу Генка.

Бела кивнул.

— Обычно я обедаю дома. Мы все вместе обедаем, когда папа и мама приходят с работы. А блюда получаем отсюда. Раньше у нас был пищевой комбайн, но в него каждые

десять дней нужно было закладывать продукты, так папа отдал его в бюро бытовых приборов, и мы стали заказывать обед по видеofону и получать, как здесь, по районному пищевому конвейеру.

Генка ничего не понял и похвастался:

— Мы тоже кушаем дома. У нас газовая плита. Включил газ — и давай, действуй.

— Вот здорово! — позавидовал Бела.- Прямо из газа можете, например, компот сделать?

— Нет, не совсем...- замялся Генка, но объяснять принцип действия газовой плиты не стал.

— Скажи, пожалуйста,- смущенно спросил Бела,- а что такое «стиляга»?

— Стиляга? — переспросил Генка и сам смутился.- Ну, это, понимаешь, раньше, в прошлом столетии, так называли... Ну, в общем людей, которые любили модно одеваться.

— А-а, вот оно что! Значит, теперь все стиляги?

— Да нет, не совсем! — еще больше смутился Генка, но придумать новое объяснение, которое бы не обидело Белу, не смог.

— Пойдем, что ли? — чтобы замять неприятный разговор, сказал он и поднялся.

— Пошли! — согласился Бела, направляясь к выходу.

— А деньги? — смущенно спросил Генка.

— Так коллекция же у меня дома! — объяснил Бела.

«Вот садовая голова! Деньги ведь у них давно отменены!» — хлопнул себя по лбу Генка и следом за удивленно поглядывавшим на него Белой вышел на улицу.

— Во-он, видишь, высокая пальма... Напротив нее наш дом. У меня уже есть почти все дензнаки выпуска 1961 года. Есть даже рубль 1947 года,- с гордостью сообщил Бела.

Деньги не представляли для Генки никакого интереса. Совсем недавно он покупал на эти деньги горячие пончики и пил газированную воду. Этого он, конечно, Беле не сказал.

— Может, посмотрим их в другой раз? Давай лучше куда-нибудь сходим.

— Пойдем в кино! — нисколько не обижаясь, предложил Бела.- Тут рядом, на Комсомольской улице.

— На Комсомольской? — встрепенулся Генка.- А она, случайно, на Ленинский проспект не выходит?

— Да, пересекает и Ленинский проспект и проспект Маркса...

— А потом упирается в стадион «Динамо»?

— Нет, не в «Динамо», а в «Пионерский стадион».

— Ну что ж, может, и пионерский. Это он когда-то раньше назывался «Динамо».

— Ты, наверное, историк? — с уважением спросил Бела.

— Просто читал где-то, — неохотно ответил Генка.

Молча они дошли до кинотеатра. Сеанс только начался, и на панорамном экране демонстрировался киножурнал «Новости недели».

Это были ошеломляющие новости.

Генка увидел сумрачные поля на дне Тихого океана. Подводные комбайны, управляемые по радио, что-то косили и тут же всасывали в бункера. Ежесекундно открывались квадратные люки и плотные тюки прессованных растений стремительно вылетали вверх, на поверхность.

Потом показали пуск новой фабрики-автомата по производству искусственного мяса, сбор винограда в Сахаре, строительство новейшего звездолетодрома, операцию по пересадке

мозга, финальную игру на первенство мира по волейболу среди детей среднего школьного возраста и еще многое другое, что Генка воспринимал как чудесную сказку, но что было для его соседей просто буднями трудящихся земного шара. Больше всего Генку удивили гигантские, в несколько километров длиной, ракеты, сделанные целиком из обработанного особым способом льда, с атомными двигателями, которые отправлялись из Антарктиды на Марс для изменения там климата. Правда, диктор пояснил, что основная масса атмосферы Марса будет изготовлена из местного сырья непосредственно на Марсе, так как транспортировка льда с Земли сложна и неэкономна. Но сверкающие как хрусталь ледяные корабли настолько поразили Генкино воображение, что он уже без особого интереса просмотрел художественный фильм, так и не разобравшись в сложных взаимоотношениях его героев.

Рассеянно вышел он вслед за Белой из кинозала. Бела что-то говорил ему, высказывал, очевидно, свое мнение о кинофильме, махал руками, подражал кому-то, но Генка только кивал головой и ничего не слышал. Перед его глазами проносились ледяные ракеты. Они летели к далекой красноватой планете, чтобы, растаяв там, дать живительную влагу плоским пустыням, наполнить атмосферу Марса земным воздухом.

— Вот бы полететь туда! — мечтательно проговорил Генка и посмотрел в безоблачное небо.

— Мы можем сходить на вертолетную станцию, она здесь рядом, на крыше почтамта! — откликнулся Бела.

— Нет, я говорю о Марсе, туда бы полететь!

— А, вот ты о чем! Туда пока еще туристы не ездят.- Голос Бела прозвучал грустно.- Но я обязательно полечу. Окончу строительный факультет и полечу. Строить новые города. И ты можешь. Даже раньше меня. Ты ведь вон уже какой большой! Кстати, ты слышал, что завтра утром с Минского космодрома на корабле «Дружба» на Марс вылетает группа строителей? Вот счастливики!

Генка вздохнул и ничего не ответил. Они вышли на проспект.

На проспекте тоже росли деревья, но середина была свободна. «Здесь у нас проходят демонстрации», - тоном хозяина пояснил Бела.

По обе стороны возвышались новые многоэтажные дома. «Все новое! Сколько понастроили за это время!» — почему-то с грустью подумал Генка и спросил:

Ты не знаешь, есть у вас какие-нибудь старые здания? Ну, хотя бы середины прошлого века.

— Есть! Хочешь, покажу?

— Пошли!

Они прибавили шагу, и вскоре Генка с радостью увидел широкие окна центрального универмага. А-а, старый знакомый! Только теперь он назывался «Центральным пунктом выдачи предметов личного обихода».

Они прошли еще один квартал и вышли на площадь.

Сохранился и Дворец профсоюзов, и сквер напротив. Еще издали Генка заметил среди деревьев знакомый, потемневший от времени бюст великого белорусского поэта.

Он подошел к памятнику. Бронзовое, тонко очерченное лицо выражало раздумье. Чуть прищуренные глаза задумчиво смотрели вдаль.

...Идет коммуны день прекрасный,

Чтоб нашу радость, наше счастье
На всей земле увековечить,-

с новым, понятным только ему чувством прочел Генка слова, высеченные на гранитном пьедестале, и, невольно подтянувшись, торжественно поднял руку в пионерском салюте.

Бела осторожно дотронулся до Генкиного плеча.

— Может, пойдём ко мне? Покажу коллекцию, библиотеку...

— Я хочу ещё кое-что посмотреть здесь, на улицах.

— Но мне пора домой. Мама и папа пришли с работы. Мне их нужно предупредить,- нерешительно начал Бела и вдруг оживился: — Я могу с ними поговорить по видеофону, а потом, когда ты все согласишься, поедём ко мне.

Генка не знал, что такое видеофон, да и перспектива встретиться с родителями Белы и подвергнуться расспросам его не устраивала. К тому же он подумывал о возвращении в 1962 год.

— Ты иди, Бела,- смущенно сказал он,- а я тут кое-куда ещё зайду. Я тебе потом позвоню, по этому... видеофону.

Бела внимательно посмотрел на Генку.

— А где ты остановился? Ты ведь не минчанин? Ты какой-то странный, стеснительный. Поедем к нам. Мама для тебя уберёт отдельную комнату, а не захочешь — будем жить вместе.- Голос Белы звучал мечтательно.- У нас знаешь как весело! И школа рядом, и стадион. А команда футбольная у нас знаешь какая! И детские мастерские, и слесарный цех, и токарный, и электроцех, и химические лаборатории... Поедем?

Что-то горькое подкатило к горлу. Генка молча покачал головой и мягко, но решительно взял Белу за плечи.

— Спасибо, Бела! — тихо сказал он.- У меня есть ещё дела, понимаешь? Я не могу тебе сказать какие. Это военная тайна,- для убедительности соврал Генка и горько улыбнулся.- Может, когда-нибудь я все тебе объясню. А теперь иди.- Он замолчал, тряхнул Беле руку и пошёл прочь.

— Гена, а что такое военная тайна? — слышалось вдогонку.

Но Генка только махнул, не оборачиваясь, рукой и прибавил шагу.

ГЛАВА VI,

которая объясняет исчезновение улицы Обувной, знакомит с метрополитеном, космодромом, межпланетным кораблем и рассказывает о том, как знание марок папирос дает основание считаться ученым историком

Генка дошел до Комсомольской улицы, повернул направо, нашел Республиканскую и, поднявшись к тенистому саду, на месте которого когда-то была трамвайная остановка «Юбилейный рынок», начал разыскивать улицу Обувную.

Он довольно долго бродил между нарядными домами, но Обувной так и не нашел. Наконец он набрался храбрости и остановил веселую девушку с пышными волосами.

— Скажите, пожалуйста, вы не знаете, где тут проходит Обувная улица?

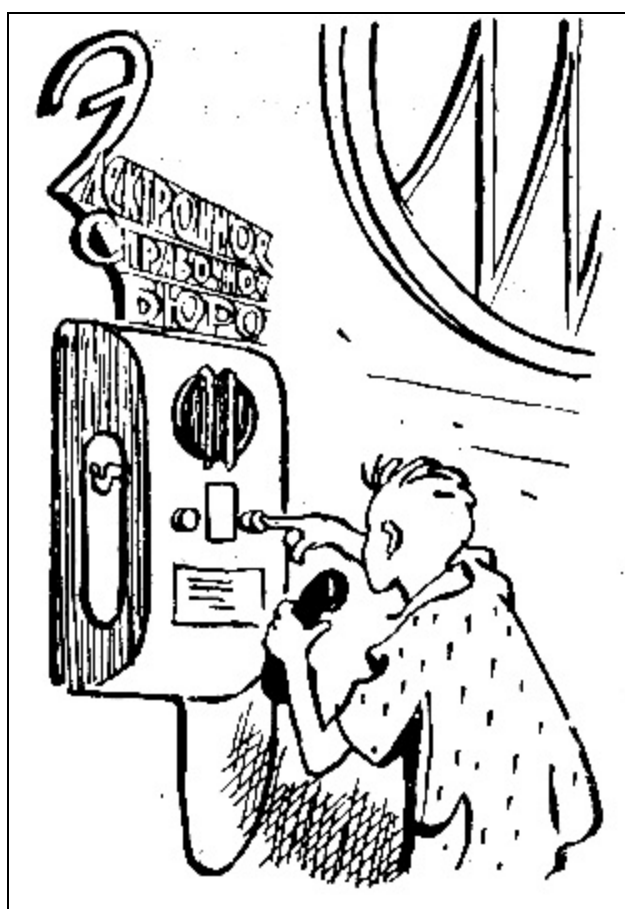
Девушка удивленно вскинула тонкие брови, секунду подумала, потом, смущенно улыбнувшись, покачала головой.

— Я даже не слыхала об улице с таким названием. Впрочем, в следующем квартале, у дома с круглыми окнами, расположен автомат. Если в городе такая улица есть, он объяснит, как до нее добраться.- И, приветливо кивнув, девушка ушла.

В соседнем квартале, на стене дома с необычными круглыми окнами, висел никелированный ящик со светящейся надписью: «Электронное справочное бюро». Сбоку, рядом с выбитой на листе нержавеющей стали инструкцией, висела телефонная трубка.

Генка прочитал инструкцию, снял трубку и, нажав кнопку под зеленым глазком, недоверчиво спросил:

— Скажите, как пройти на Обувную улицу?

В трубке щелкнуло, погудело, и Генка услышал четкий, монотонный голос:

— По решению исполнительного комитета Минского городского Совета депутатов трудящихся от 4 октября 19.. года улица Обувная переименована в улицу Первых космонавтов. Улица имени Первых космонавтов начинается за первым углом слева от справочного бюро.

Генка еще немножко подержал трубку, но больше ничего не услышал. Подумав, он снова нажал кнопку и задал первый пришедший на ум вопрос:

— Какая завтра ожидается погода?

В трубке опять щелкнуло.

— На завтра, 14 апреля 20.. года, по городу Минску запланирован ясный день с незначительной облачностью с 13 часов. Температура воздуха в

7 часов утра 20 градусов тепла, днем 24 градуса, с

23 до 24 часов небольшой дождь.

Генка повесил трубку и хотел было уходить, но тут у него возник еще один вопрос. Он снова взял трубку.

— С каких это пор в Минске, находящемся в поясе умеренного климата, растут кипарисы и в апреле созревают яблоки? .

В трубке несколько секунд пожужжало, и все тот же голос равнодушно, как о чем-то простом и будничном, сообщил:

— После растопления материковых льдов севера Европы, Азии и Северной Америки, проведенного в конце XX начале XXI веков с целью изменения климата земли. Зона умеренного климата сохранена...- Генка как замороженный слушал скучный монотонный голос, и все услышанное казалось ему чудесной сказочной песней.- В настоящее время,- продолжала трубка,- территория Белоруссии входит в зону субтропического климата. Постоянство однотипной на всем протяжении года температуры поддерживается при

помощи регулировочных метеорологических станций. Созревание фруктов и плодов первого потока назначено на ноябрь — декабрь месяцы, второго — на март — апрель, третьего — на июль — август, четвертого...

Генка повесил трубку и медленно зашагал по улице. Беспорядочные мысли теснились в голове, сердце наполняла гордость за свой народ, сумевший свершить такое, о чем полвека назад только мечталось. Он вспомнил Клавдию Семеновну, которая учила их, как стать верными помощниками партии, строителями коммунизма. Вспомнил отца, развозившего по стальным путям грузы для великих строек, и мать на снимке в газете: «Бригада коммунистического труда...» Это они, члены таких бригад, миллионы простых советских людей не покладая рук трудились во имя того прекрасного и доброго, что Генка видел и о чем узнавал сейчас на каждом шагу.

Гордо выпятив грудь, расправив плечи, Генка торжественно шагал по упругому асфальту и придиричиво, по-хозяйски оглядывал светлые здания.

Вдруг неожиданная мысль заставила его остановиться. А он? Что сделал он, Геннадий Диогенов, чтобы приблизить светлую эру коммунизма? Ничего! Генка со стыдом вспомнил, как однажды он увильнул от организованного штабом пионерской дружины сбора металлолома. Вспомнил разбитое футбольным мячом стекло в соседнем доме. Генка даже не признался тогда, что по мячу ударил он. А учеба? Как учился будущий строитель коммунизма Геннадий Диогенов? На троечки, на четверочки, кое-как! А эта злополучная двойка по арифметике? Нет, рано ему еще жить в коммунистическом обществе. Надо скорей возвращаться назад, в свою школу. Надо трудом, всей жизнью заслужить право открыто смотреть в глаза людям будущего.

Генка торопливо юркнул в первый же подъезд и огляделся. Кругом никого не было. Только во дворе слышались глухие удары и возгласы ребят. Наверное, там играли в теннис.

Он хотел достать машину времени, но чьи-то шаги неподалеку заставили его отскочить в просторную нишу. И тут произошло неожиданное: пол дрогнул у него под ногами и, плавно набирая скорость, заскользил вниз.

Он еще не успел испугаться, как лифт затормозил у небольшой платформы, освещенной лампами дневного света.

К платформе подкатил зеленый вагончик. Дверь распахнулась, две девушки, оживленно разговаривая, выскочили на платформу и вошли в кабину лифта, которая тут же исчезла вверх. Вагончик укатил.

Опять послышалось гудение, и подкатил еще один вагон. Поколебавшись, Генка вошел в дверь и сел на желтый пружинистый диван. Вагон мягко тронулся и спустя несколько секунд остановился у следующей платформы.

Генке это понравилось. Уютно устроившись на мягком сиденье, он довольно долго катался по подземной дороге и рассматривал станции. Люди поминутно входили и выходили, однако на Генку никто не обращал внимания.

Наконец вагон остановился в большом круглом зале, и голос из репродуктора, спрятанного где-то у потолка, объявил: «Центральная станция метрополитена».

Генка вышел. Сквозь матовые стекла высоких узких окон зал заливали неяркие полосы солнечного света.

Посредине возвышалась скульптурная группа. Трое мужчин поднимали высеченное из красного камня знамя, на котором четко выделялся родной профиль великого Ильича.

На одном из мужчин, с суровым строгим лицом, Генка рассмотрел короткую куртку, перепоясанную пулеметными лентами. Второй был в обычном рабочем комбинезоне. На третьем, самом юном из этой тройки, топорщился, похожий на водолазный, костюм космонавта.

Генка с одобрением посмотрел в его веселое лицо под шлемом и вспомнил, что Бела говорил ему о каком-то космодроме.

Он обошел платформы, расположенные вокруг зала, и на одной из них нашел надпись «Космодром». Дождавшись очередного вагона, Генка вскочил в него и вскоре уже ехал, чуть покачиваясь в мягком кресле.

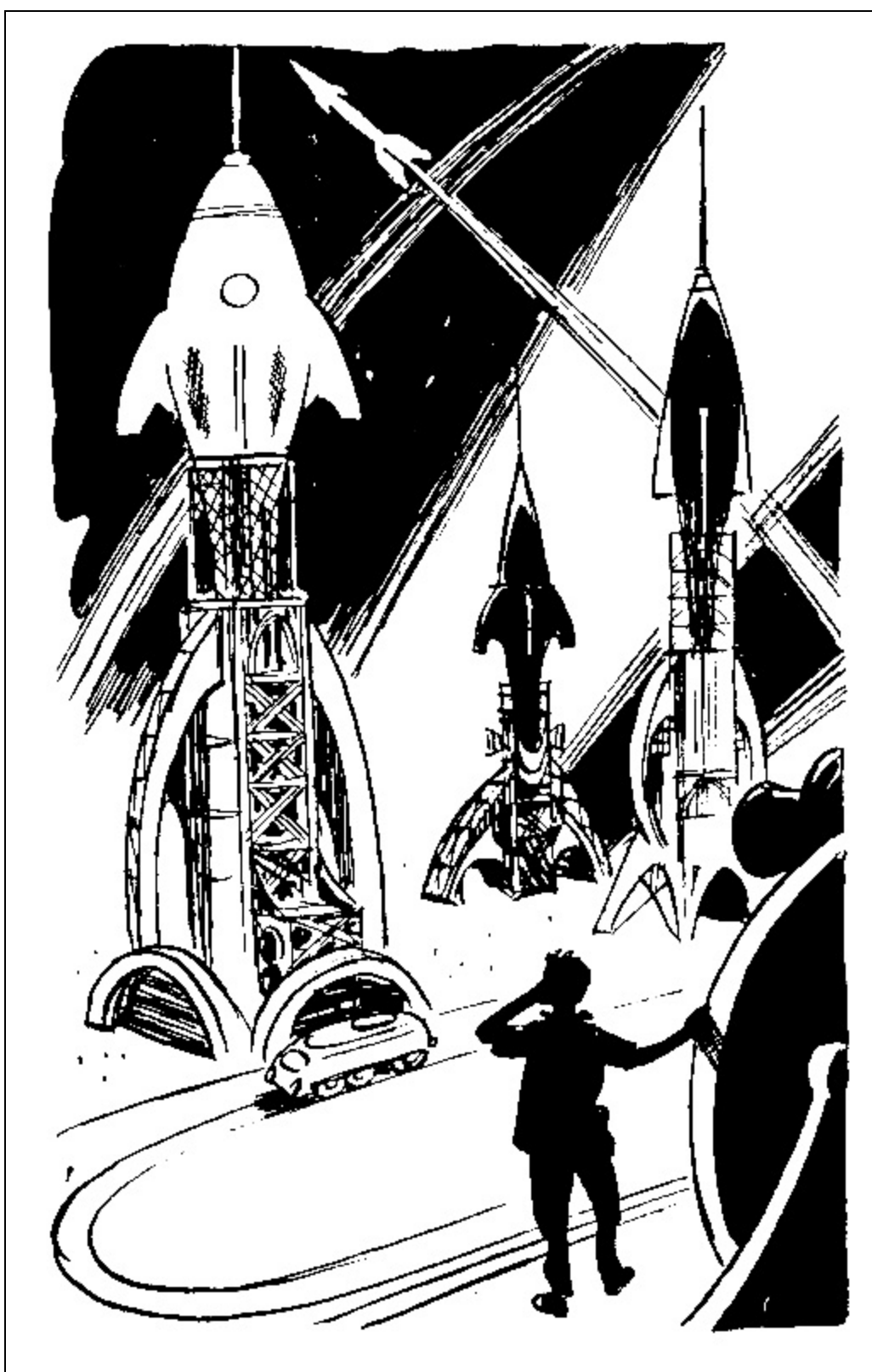
Ехать пришлось довольно долго. Наконец радио сообщило: «Космодром, конечная остановка».

Вместе с другими пассажирами Генка вышел из вагона и направился к эскалатору. Бегущая лестница доставила его в гулкий наземный зал, за окнами которого расстилалось бескрайнее поле. Генка проскользнул в дверь.

До самого горизонта тянулся ровный травяной ковер с пятнами каменных квадратов, над которыми поднимались ажурные башни. В некоторых из башен виднелись похожие на гигантские капли аппараты с острыми головками и маленькими, вытянутыми назад крыльями. У края поля высились сводчатые ангары, возле которых ходили люди.

Внезапно над полем прозвучал сигнал. На одной из башен зажегся зеленый огонь. Потом у подножья ее что-то загудело, и вдруг из оплетенного металлом жерла вырвалась узкая ракета, на какую-то долю секунды повисла над башней и ринулась в небо.

Широко раскрыв глаза, Генка смотрел, как тает в голубом воздухе белая полоска — все, что осталось от улетевшего корабля. Спустя минуту стартовала еще одна ракета. Потом взлетело сразу несколько маленьких ракет, а Генка все стоял и не мог двинуться с места.

Со станции метро высыпала новая группа и направилась к выходу на поле. Не долго думая, Генка примазался к ней и вскоре уже подходил к ангарам.

На ближайшем из них он увидел какое-то объявление. Заинтересованный, остановился, прочел:

«1. Чтобы получить ракету, обращайтесь в контрольное бюро автоматического диспетчерского пункта.

2. Управление ракетами доверяется только лицам, прошедшим специальную подготовку и имеющим удостоверение летчика-космонавта.

3. Детям до шестнадцати лет брать самостоятельно ракеты межконтинентального

сообщения запрещается».

Вокруг суетились люди, что-то делали, искали какого-то механика, сетовали на нехватку шлангов для перекачки топливной массы. Генка ходил, смотрел по сторонам. Кому-то помог застегнуть «молнию» на комбинезоне, кому-то подержал ящик с инструментами... В общем, ему было страшно интересно.

Между тем близился вечер. Несколько ракет с ревом опустились на каменные квадраты. Еще шесть или семь ракет улетели в небо, и поле стало пустеть.

Только сейчас Генка вспомнил, что не видел межпланетного корабля, который завтра утром улетит на Марс, и торопливо зашагал к видневшейся вдали гигантской решетчатой башне. Пока он подошел к выложенному огромными плитами подножью башни, наступили сумерки. Кругом никого не было, и башня высилась таинственным колоссом, вершина которого терялась в темноте. Сквозь толстые балки башенных перекрытий тускло мерцал полированный корпус ракеты. Генка поразился ее величине. Прикинув на глаз, он высчитал, что в середине ракеты свободно поместился бы узкий пятиэтажный дом.

— Ну и махина! — возбужденно прошептал Генка. — Вот бы на такой покататься!

От подножья башни вверх вела крутая лестница. Рядом виднелась кабина лифта. В лифт Генка садиться не стал, но против искушения подняться по лестнице устоять не смог. Медленно переступая со ступеньки на ступеньку, он незаметно очутился на просторной, слабо освещенной площадке на высоте примерно третьего этажа. Прямо перед ним зияла незапертая круглая дверь, за которой в глубине виднелась вторая. Генка подошел ближе.

— Посторонним вход запрещен! — раздался над головой четкий голос. Генка от неожиданности вздрогнул и оглянулся. Рядом никого не было. Он сделал еще шаг, и тот же голос, не меняя интонации, повторил ту же фразу.

«Автомат», — догадался Генка и неожиданно для самого себя переступил металлический порог. Дверь отворилась без скрипа. За «ней находилась овальная комната; вдоль обеих стен тянулись ряды пластмассовых ручек, вделанных, очевидно, в дверцы шкафов. Еще одна круглая массивная дверь вела внутрь корабля. Поколебавшись, Генка взялся за ручку...

Перед ним был длинный коридор. Неяркий свет сочился, казалось, из самих стен.

Не в силах сдержать любопытство, Генка прошел по коридору и уперся в круглую шахту лифта. Пришлось повернуть назад. Перед ним тускло поблескивал ряд дверных ручек. Генка подержал одну из них — заперто. Он толкнул следующую дверь — та тоже не открылась. Так, задерживаясь по очереди у каждой двери, он направился к выходу. И тут ему повезло: одна из дверей, кажется, предпоследняя, запахнулась. Генка увидел залитую ярким светом каюту межпланетного корабля. Все в этой каюте было необычно: и широкие кресла со свисающими с подлокотников ремнями, и круглые столы с выдавленными в них гнездами для различных предметов. Пол, стены и потолок каюты обтягивала зеленоватая надувная покрывка, похожая на огромное стеганое одеяло. С потолка свешивались кожаные петли. На полу громоздились непонятные приборы, тоже укрытые толстыми надувными чехлами.

Генка переступил порог и хотел было пощупать стенное покрытие, как вдруг дверь бесшумно захлопнулась и сразу же погас свет.

Он метнулся назад, стал искать дверную ручку, но рука неизменно натыкалась на гладкую ткань. Он долго шарил по стене, продвигаясь то в одну, то в другую сторону, пока не потерял всякого представления о том, где должна находиться дверь. В полном смятении он опустился прямо на упругий пол и какое-то время сидел без движения, тупо уставившись в темноту. Потом опять вскочил, опять долго и тщетно ощупывал руками стену. Наконец,

совершенно обессиленный, забрался с ногами в кресло, на которое случайно наткнулся, и с тревогой стал дожидаться прихода хозяев межпланетного корабля...

Разбудил его далекий непрерывный рев, раздававшийся, казалось, со всех сторон. Кругом царил непроглядный мрак. Ничего не понимая спросонья, Генка сел, но тут его тело налилось свинцовой тяжестью, и непонятная сила бросила его на пружинящую подушку пола.

«Ракета взлетела!» — с ужасом и радостью одновременно подумал Генка и хотел было сесть, но не смог даже поднять голову. Сквозь упругий слой воздуха в надувной крышке он чувствовал мелкую дрожь вибрировавших переборок. Неожиданно рев смолк, но неумолимая тяжесть еще сильнее прижала Генку к полу. Стало трудно дышать. Перед глазами заплясали тысячи красных звездочек, железными обручами нестерпимо сдавило голову, и Генка потерял сознание...

Что-то теплое и влажное разливалось по лицу. Открыв рот, Генка жадно вдыхал чистый, как после грозы, воздух. Дышать было необыкновенно легко. Боль прошла, только в голове неприятно покалывало. Генка застонал и хотел опереться на пол, чтобы встать, но рука встретила пустоту. Генка торопливо ощупал спину, живот, помахал ногами и с изумлением убедился, что он висит в воздухе. Самое удивительное, что он даже не смог сообразить, в каком положении он висит. У него нарушилось чувство ориентировки в пространстве.

«Ракета вышла из земного притяжения. Я в космосе!» — с восторгом подумал Генка, и сердце его захлестнула жаркая волна счастья.

Не в силах сдержать обуревавших его чувств, Генка пел, дрыгал ногами, пока не зацепился за что-то упругое. Он повернулся, хотел схватиться за это «что-то» руками, но ничего не нащупал, а вместо этого неожиданно коснулся спиной гладкой поверхности надувной крышки. — «Летаю по каюте», — догадался он и, оттолкнувшись, поплыл в другую сторону.

Бесшумно раскрылась дверь, вспыхнул свет. Генка прикрыл глаза ладонью и сквозь узкую щель между пальцами увидел невысокого человека в серебристом комбинезоне, с коротко стриженными светлыми волосами. Смешно перебирая руками, человек проплыл вдоль стены и изумленно уставился на Генку.

— Как ты сюда попал? — услышал Генка звонкий, не столько сердитый, сколько удивленный голос и понял, что перед ним девушка. — Да что за вид у тебя?! — На этот раз в голосе девушки был испуг. Она плавно оттолкнулась, подлетела к нему и повисла, придерживаясь за кожаную петлю. Только сейчас Генка увидел, что и одежда, и руки у него в крови, а в воздухе по всей каюте, медленно приближаясь к стенам, плавают красные блестящие шарики.

— Ну-ка, марш со мной! — строго приказала девушка. Они пролезли в распахнутую дверь, проплыли по коридору и, нырнув в круглую шахту, вскоре очутились в просторной комнате с вделанным то ли в пол, то ли в потолок овальным пультом. Вокруг пульта сидели пристегнутые к креслам люди.

— Поллюбитесь-ка на этот космический сюрприз! — еще с порога закричала девушка и подтолкнула Генку вперед. Он перелетел комнату и, беспомощно дергая ногами, повис над самым пультом.

Рослый мужчина с массивным, словно высеченным из дуба лицом схватил Генку за ногу и, подтянув, поставил перед собой.

— Это еще что такое? — строго спросил он.

— Да вот, Алексей Никитич, обнаружила в рабочем кабинете астробиологов,- начала было объяснять девушка, но высокий мужчина, рассмотрев Генкино лицо, перебил ее:

— Идите, Нина, приведите вашу «находку» в порядок, а потом мы им займемся,- и, насмешливо хмыкнув, он передал Генку белокурой девушке.

В круглой, с таким же надувным покрытием на стенах комнате Нина заставила Генку раздеться, осмотрела его и, не найдя каких-либо повреждений, обтерла мокрой губкой. Очевидно, когда он лежал без сознания, у него шла носом кровь. Теперь нос заложило, и Генка дышал ртом. Нина широким ремнем пристегнула Генку к откидной сетчатой раме и из блестящего тюбика закапала ему в нос что-то горькое. Сразу же стало легче дышать и боль в голове прошла.

Оставив его привязанным к стене, Нина уплыла куда-то и вскоре вернулась с таким же, как у нее, комбинезоном. Заодно она захватила несколько продолговатых пакетов, похожих на слабо надутые футбольные камеры, и, подсунув один из них к Генкиному рту, нетерпеливо сказала:

— Ну, тяни, что ли! Долго я буду держать!

Ничего не понимая, Генка взял в рот мягкую трубку и потянул в себя. Из «футбольной камеры» в рот хлынула приятная кисловатая жидкость.

— Кто же это послал тебя на корабль? Почему ты никому ничего не сказал? Ведь тебя могло раздавить при взлете, горе ты путешественник,- строго говорила Нина, но в ее голосе слышалось любопытство. Генка молча глотал кисловатую жидкость и лихорадочно придумывал какую-нибудь более-менее правдоподобную историю, но в голову ничего не приходило. Напившись, он сдержанно поблагодарил и потянулся было за своей одеждой, но Нина подала ему серебристый комбинезон. Помогая застегивать замысловатые крючки, она поясняла:

— На поясе справа аварийный щиток: нижняя кнопка включает сетку обогрева, верхняя — подачу кислорода в загубник.- Она тряхнула висящую у ворота резиновую, раздвоенную на конце трубку. Генка ничего не ответил. Предстоящий разговор выбил его из колеи. Даже не глянув на себя в зеркало, он поплелся за Ниной, держась за поручни, которые вначале принял за шланги, в «боевую рубку», как он окрестил про себя комнату с пультом.

На этот раз в комнате людей было значительно больше — человек двадцать. «Наверно, весь экипаж»,- безрадостно отметил про себя Генка и с опущенной головой остановился у входа.

— А-а, «сюрприз», что ж ты скромничаешь? Подходи, будем знакомиться,- услышал он совсем не сердитый голос и, подняв глаза, увидел перед собой того самого высокого мужчину с массивным лицом. «Алексей Никитич»,- вспомнил Генка его имя.

— Да ты не стесняйся, проходи, садись сюда,- почти весело говорил Алексей Никитич, усаживая Генку в глубокое кресло.- И ремешком, ремешком пристегнись.- Он защелкнул на Генкиной груди широкий пояс.- Так-то оно спокойней, не будем летать от каждого движения... Ну, давай теперь по порядку. Как зовут? Как попал к нам и зачем?

Генка угрюмо молчал.

— Ну, начинай, мы слушаем. Итак, тебя зовут...

— Диогенов.- Генка наконец решился поднять голову.- Диогенов, Генка,- уже смелее проговорил он и впервые посмотрел спрашивавшему в глаза. Глаза были зеленоватые, чуть прищуренные и очень внимательные. Казалось, они пронизывают насквозь, и, несмотря на то, что эти глаза смотрели совсем не строго, а даже наоборот — весело, Генка совсем растерялся и решил говорить только правду.

— Так, значит, Диогенов? А сколько тебе лет?

— Четырнадцать.

— А где работают твои родители?

— Мама ткачиха на тонкосуконном, а папа машинист на железной дороге.

— Где, где? — переспросил Алексей Никитич, и в голосе его прозвучало недоверие.

— Я же сказал — на железной дороге,- громче повторил Генка.

— На какой это железной дороге? — опять переспросил Алексей Никитич.

— Что значит — на какой? — изумился Генка.- На обыкновенной. На шпалах лежат рельсы, по ним ездит паровоз с вагонами, а папа управляет паровозом.

На этот раз уже все изумленно переглянулись. Алексей Никитич нахмурился.

— Ты достаточно взрослый мальчик, Гена, и должен понимать, что сейчас не время для шуток. Ты находишься на межпланетном корабле и прошел на него без разрешения. Этот поступок, если у тебя не было достаточно серьезных причин, ни в какие ворота не лезет. Ты должен понять это и отвечать серьезно.

Генка окинул взглядом обращенные к нему посуровевшие лица.

— Я и отвечаю серьезно,- чуть не плача, проговорил он.- Мой папа действительно работает машинистом на паровозе!

— Это возмутительный факт! — вспыхнул грузный мужчина с густой гривой белых волос.- В первый раз за свои семьдесят лет слышу, чтобы такой взрослый мальчик говорил неправду.

— Сами вы говорите неправду! — разозлился Генка.- Говорите, что вам семьдесят лет, а сами совсем на старика не похожи.

— Как ты смеешь! — с негодованием прикрикнула Нина, но Алексей Никитич

предупреждающе поднял руку.

— Скажи-ка, Гена,- спокойно спросил он,- как называется книга, в которой ты прочитал о железной дороге, паровозах и машинистах?

— Разные есть книги...- Генка пожал плечами.- Но во всех что-нибудь обязательно написано или про паровозы, или про автомобили.

— А какие ты знаешь марки автомобилей? — быстро спросил Алексей Никитич, и по наступившей вдруг тишине Генка почувствовал в вопросе какую-то ловушку.

Тщательно подбирая слова, он стал перечислять:

— «Победа», «Волга», «Москвич» — это легковые. Ну, еще «Запорожец». Потом грузовые — МАЗ, ГАЗ...- Генка запнулся и нерешительно добавил: — Есть еще самосвалы...

— Странно,- сказал кто-то, но Алексей Никитич опять предостерегающе поднял руку.

— Скажи, Гена,- медленно спросил он,- а на каком тонкосуконном комбинате работает твоя мама?

— Как на каком? — Генка снова пожал плечами.- На котором материю ткут. А находится он около Западного моста, возле станции, там еще трамваи поворот делают. Только вход теперь с другой стороны, с улицы Мясникова. А живем мы на улице Обувной...

— Тут что-то не так,- задумчиво произнес Алексей Никитич и даже покачал головой. Несколько секунд в рубке царила тишина.

Мужчина, утверждавший, что ему семьдесят лет, поднялся и, придерживаясь за кресла, подошел к Генке.

— Слушай, мальчик,- голос его звучал вкрадчиво,- а ты, случаем, не слыхал, что такое папироса?

— Штука такая, с табаком,- оживился Генка.- Есть «Беломор» — его папа курит, «Казбек», «Любительские», есть сигареты всякие: в красных пачках-«Прима», потом с собачьей головой — «Лайка». Еще есть сигары, толстые такие, из одного табака, без бумаги. Их капиталисты курят.

— Да, историю он изучил основательно,- восхищенно заметил кто-то.

— Боюсь, что слишком основательно,- задумчиво проговорил «старик» и, мягко улыбнувшись, отстегнул Генку от кресла.- Идем-ка, дружок, со мной. Понимаешь, я врач, зовут меня Сергей Ильич.

Поскольку ты теперь тоже член нашего экипажа, мне нужно проверить твое здоровье,- и, придерживая Генку за локоть, Сергей Ильич повел его к выходу. У порога Генка обернулся. Столпившись вокруг Алексея Никитича, члены экипажа тихо переговаривались, с состраданием поглядывая на Генку. Генка вздохнул и, не оглядываясь больше, поплыл по круглому коридору вслед за доктором.

Комната, куда Сергей Ильич привел Генку, ничем не напоминала врачебный кабинет. Здесь не было никаких приборов, не было заставленных стеклянными банками и никелированными инструментами шкафов. На одной из стен помещалось несколько экранов, как у телевизора, на которых застыли разноцветные стрелки.

Доктор уложил Генку на откидную сетку и стал пристраивать к его голове, запястьям и щиколоткам тонкие трубочки с мягкими присосками на концах.

— Аппарат диагностики,- коротко пояснил он, заметив вопросительный Генкин взгляд.

Надвинув на голову рамку с наушниками, он подошел к одному из экранов и стал подкручивать пластмассовые рукоятки. Скосив глаза, Генка видел, как заплясали на экране

разноцветные стрелки. Несколько минут Сергей Ильич сосредоточенно следил за этим танцем, одновременно прислушиваясь к шороху в наушниках, затем пожал плечами и подошел ко второму экрану. Экран засветился, и Генка с изумлением увидел на нем изображение человеческой головы, усеянное слабо мерцающими точками.

— Так повтори, пожалуйста, Геннадий, какие ты знаешь марки папирос,- поглядывая то на экран, то на белую ленту, выползающую откуда-то снизу, попросил Сергей Ильич.

Скучным голосом Генка стал повторять все, что говорил раньше. Вдобавок он еще вспомнил сигареты «Памир» и папиросы «Север» и «Прибой».

— А на паровозе ты катался? — продолжал спрашивать Сергей Ильич.

— Еще бы! — с гордостью ответил Генка, но тут же честно признался: — Нет, на паровозе только два раза, меня папа брал. А вот в вагонах даже не помню сколько. И билеты в кассе покупал...

— Би-ле-ты,- с расстановкой повторил Сергей Ильич и вдруг нерешительно спросил: — А ты не знаешь, сколько стоил, ну, предположим, в середине двадцатого века килограмм черного хлеба?

— В 1961 году буханка украинского стоила 14 копеек,- без запинки ответил Генка и хотел добавить, что мама очень часто поручала ему купить хлеб, но тут неожиданная мысль заставила его замолчать и плотно сжать губы. Он вспомнил, что сейчас, в 20.. году, деньги давно уже отменены, вспомнил, какие недоуменные лица были у всех, когда он заговорил о папиросах, о которых это новое общество, очевидно, уже ничего не знает, и понял, что лучше всего ему самому рассказать все по порядку. И то, что он не тот, за кого его принимают, и что он действительно родился в середине двадцатого века, и как он попал в 20.. год.

Инстинктивно Генка схватился за карман и тут с ужасом вспомнил, что все его вещи вместе с замечательными «Диогеновыми часами» — драгоценной машиной времени — остались в ящике для ненужных вещей в «Пункте обмена обуви и одежды». Окончательно растерявшись, он тупо уставился в потолок. Сергей Ильич что-то говорил. Генка слышал его тревожный голос, но смысл сказанного не доходил до его сознания.

Только когда доктор стал торопливо снимать с Генки присоски и отстегивать ремни крепления, он разобрал наконец его слова.

— Ничего, ничего, дружок. Ничего страшного, просто сильное нервное истощение.- Голос Сергея Ильича звучал ласково и дружелюбно.- Историю ты, очевидно, знаешь отлично, только сейчас ни о чем не говори, отдыхай, не волнуйся — и все будет в порядке. Ты, конечно, знаешь, что паровозы давно канули в вечность, так же, как папиросы и трамваи. Разве ты не прибыл на космодром в воздушном лайнере или в подземном экспрессе? Молчи, молчи,- заторопился он, хотя Генка и так молчал.- Тебе нужно хорошенько отдохнуть, а потом, когда подлечишься, ты сможешь опять читать все, что тебе заблагорассудится, хоть об ископаемых ящерах...

— Динозаврах,- с горечью подсказал Генка.

— Вот-вот, и о динозаврах,- преувеличенно бодро подхватил Сергей Ильич.- Только сейчас, пожалуйста, ни о чем не думай и ничего не вспоминай. К тебе придет Нина, она с тобой побудет. Вы посмотрите в окошко. Скоро будем подлетать к Марсу. Он отсюда гораздо красивее, чем в стереокино. Договорились?

Генка равнодушно кивнул. Устало уронив голову, он тоскливо смотрел на стеганое одеяло стенного покрытия и видел далекие милые образы... И как это его угораздило забыть машину времени?..

Словно издали до Генки донесся шорох закрывшейся за Сергеем Ильичом двери. Спустя несколько минут шорох повторился, и над ним, слегка покачиваясь, повисла Нина.

— Ну, чего разлегся?! — весело проговорила она, щелкнув его по носу.- Идем в кают-компанию обедать. У нас тут насчет питания строго.

Генка уныло поднялся и молча поплелся за Ниной. В кают-компании — высокой, просторной комнате — стоял круглый стол, похожий на тумбу, с углублениями для ног. Почти весь экипаж межпланетного корабля разместился вокруг стола в мягких креслах. Едва Генка уселся рядом с Ниной, как строгий голос из спрятанного где-то репродуктора оповестил: «Внимание, начинаю ускорение. Всем членам экипажа принять меры предосторожности.- И после небольшой паузы уже совсем по-обычному: — Это касается и нашего гостя Гены Диогенова». Все посмотрели на Генку и засмеялись, а Генка смутился.

Послышалось негромкое гудение, и он почувствовал, как руки потяжелели, а тело вдавилось в упругую ткань кресла.

— Это он для тебя дает ускорение, чтоб ты мог спокойно покушать,- шепнула Нина. Сидевший на против Сергей Ильич шутливо погрозил ей кулаком.

Ели, как и на Земле, из обыкновенных тарелок, за столом шутили, кого-то беззлобно поддразнивали. Генке вопросов никаких не задавали, и постепенно он успокоился.

— А я думал, у вас кушают из тюбиков,- доедая бульон, сказал он Нине.

— И из тюбиков тоже. Только когда корабль летит с ускорением или тормозит, в нем возникает чувство тяжести. А иначе плавал бы твой бульон по всей каюте, а ты бы гонялся за ним с ложкой.

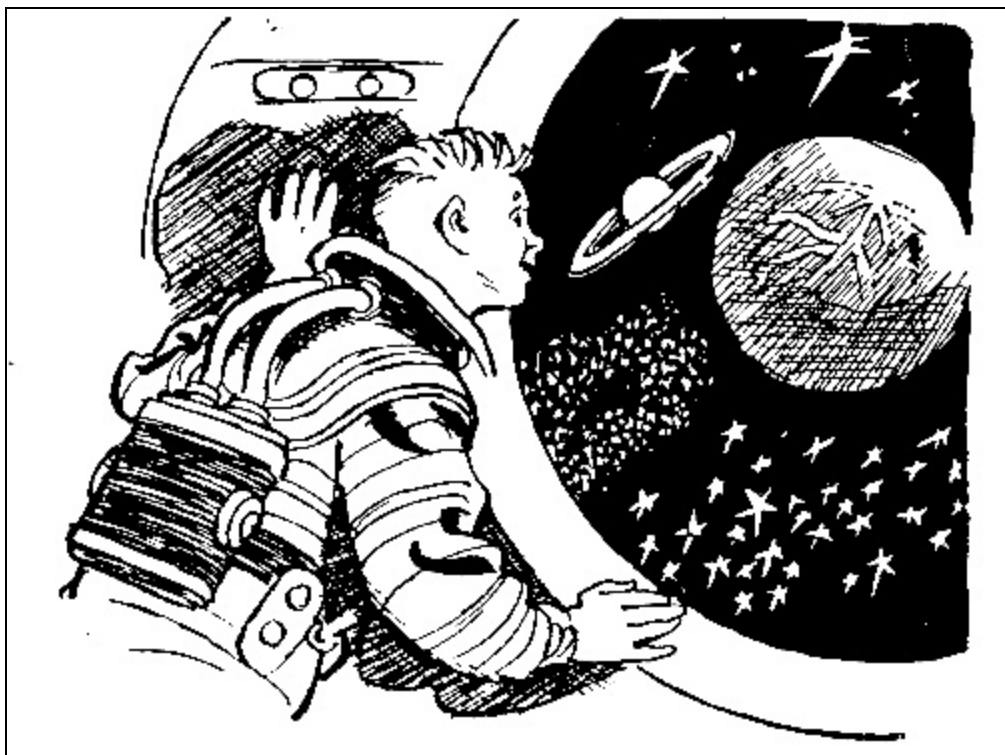
Нина весело рассмеялась, и Генка, представив на минуту себя в погоне за бульоном, тоже улыбнулся.

ГЛАВА VII,

в которой герой попадает на Марс и возвращается на Землю, узнает много интересного о первых строителях коммунистического общества и прибегает к услугам «Стола находок»

После обеда Нина привела его в знакомую каюту астробиологов. Едва они закрыли за собою дверь, как радио сообщило, что ускорение заканчивается, и сила тяжести, помогавшая Генке устойчиво передвигаться по полу, исчезла. Понятия «верх» и «низ» опять стали относительными. Чувствуя легкую тошноту, Генка забарахтался посреди каюты.

Нина поймала его за комбинезон, пристегнула ремнем к креслу, а кресло прикрепила к стене. Потом она отвернула на стене широкий полог, за которым находился иллюминатор, нажала небольшой рычажок у массивного обода. Наружные шторы раздвинулись, и глазам открылось черное небо, усеянное точками ярких звезд. Чуть сбоку виднелся маленький диск с розовыми пятнами.

— Марс,- кивнула на диск Нина, и Генка впился глазами в таинственную планету.

— Скоро прилетим,- продолжала Нина.- Для «Дружбы» это уже седьмой рейс.

— Для какой дружбы? — рассеянно спросил Генка.

— Как для какой?! — удивилась Нина.- Ты что, не знаешь, что наш корабль называется «Дружба».

— А-а,- неопределенно ответил Генка, не отрывая глаз от красноватого диска.

— Нравится? — спросила Нина. Генка кивнул и еще теснее придвинулся к стеклу иллюминатора.

— Ну, тогда посиди здесь и без меня никуда не выходи,- сказала девушка, но Генка уже не слышал. Он сосредоточенно рассматривал далекий диск.

Медленно, со скоростью минутной стрелки, диск расширялся, вырастал и превращался в шар. Уже можно было различить густой сумрак, на глазах наползавший на одно из полушарий, отчетливо виднелись красноватые пятна пустынь, белое продолговатое пятно,- очевидно, это были льды у полюса. Робкие тени незаметно передвигались по светлым полям, и, присмотревшись, Генка различил над ними прозрачные облака. Но самыми загадочными были темные ровные прожилки, кое-где рассекающие зеленые пятна, разбежавшиеся по всей планете. Казалось, чья-то огромная рука расчертила планету на неправильные квадраты и ромбы с блестящими точками на углах.

Генка пристально вглядывался в эти точки. Иногда ему казалось, что там мерцают крохотные огоньки, но так ли это на самом деле, он определить не мог.

Время летело быстро. Давно вернулась Нина. Несколько раз она окликала Генку, но он не отвечал. Наконец она закрыла шторы иллюминатора, решительно застегнула мягкий полог и сердито сказала:

— Хочешь, чтобы из-за тебя доктор оторвал мне голову? Марш за мной ужинать. Тоже мне астроном нашелся! Хватит с тебя истории!

Генка, конечно, не хотел, чтобы Нине из-за него отрывали голову. Он вздохнул и, виновато улыбаясь, Поплыл за Ниной.

Ужинали при помощи длинных тубиков, из, которых специальные смеси выдавливали прямо в рот. Горячее какао Генка тянул из небольшого термоса через пластмассовую трубку.

После ужина ему разрешили побыть немного в отсеке управления.

Здесь находилось только два человека: Алексей Никитич и рослая, смуглая женщина — Зургаб Сулеймановна, штурман корабля.

Алексей Никитич приветливо кивнул Генке, а Зургаб Сулеймановна посадила его рядом с собой перед широким телевизионным экраном.

Почти весь экран занимал Марс. Прямые линии каналов виднелись гораздо отчетливее, чем в иллюминаторе. Теперь Генка разглядел, что это были не сплошные линии, а неправильной формы и величины синеватые пятна, растянувшиеся друг за другом.

— Скоро прилетим туда,- кивнула на экран Зургаб Сулеймановна и, взглянув на какой-то прибор, уточнила: — Осталось 10 часов 30 минут. Весь перелет длится 32 часа.

Она стала объяснять Генке, как вычисляется путь межпланетного корабля в космосе. Генка ничего не понимал, но на всякий случай кивал и продолжал рассматривать Марс.

— Что, нравится тебе наша «Дружба»? — спросил Алексей Никитич.

— Очень! — признался Генка.- Вы и на другие планеты можете полететь? Ну, хотя бы...- Он на секунду задумался.- Хотя бы на Полярную звезду?

Алексей Никитич покачал головой.

— Пока еще нет, но полетим! Обязательно полетим.

— А скоро?

— Точно не могу тебе сказать, но, должно быть, скоро. Ты ведь историк и должен знать, что наука развивается, как цепная реакция,- чем дальше, тем быстрее. Между каменным и железным топором лежат десятки тысяч лет. От железного топора до ткацкого станка всего несколько тысяч лет. Потом прошла еще тысяча лет — и люди изобрели порох, а еще через несколько столетий — первый паровой двигатель. От парового двигателя рукой подать до электричества, а вскоре уже люди расщепили атом, построили первые атомные ледоколы и

электростанции, послали в космос Юрия Гагарина и Германа Титова, достигли Луны, изменили на Земле климат, совершают регулярные рейсы на Марс и Венеру... Да ты сам это отлично знаешь! Вот теперь и делай вывод, когда мы полетим к Полярной звезде.

— Видно, скоро... - неуверенно сказал Генка.

— То-то, что скоро! А теперь иди отдыхай! — Алексей Никитич придвинулся к пульту и негромко попросил: — Товарищ Апатенок, зайдите в отсек управления.

В дверях показалась Нина. Алексей Никитич укоризненно посмотрел на нее.

— Что ж вы, Нина, забыли нашего гостя? Ему уже давным-давно пора спать. Смотрите нагорит вам от доктора.

Нина улыбнулась и поманила Генку. Нехотя он прошел к ней в маленькую уютную каютку, покорно дал привязать себя к раздвижному креслу и спустя минуту спал крепким сном.

Разбудил его громкий голос из репродуктора: «Внимание, через 30 минут включаются тормозные двигатели. Посадка на космодроме станции имени Юрия Гагарина. Всем, кто свободен от дежурства, занять места в противоперегрузочных камерах».

Тут же вошла Нина и, освободив Генку от удерживающих ремней, отвела в узкий отсек с выстроенными вдоль стен продолговатыми баками.

В отсеке толпились люди, одевались в громоздкие противоперегрузочные костюмы и исчезали в люках. Нина подвела Генку к одному из баков. Из находящегося рядом ящика достала противоперегрузочный костюм и, посмеиваясь, стала натягивать на Генку. Затрещали многочисленные защелки, и вскоре Генка оказался туго спеленатым плотной тканью. Неуверенно двигая руками, он влез в бак и улегся в упругой нише, выдавленной в форме вытянутого человеческого тела.

Нина просунулась в раскрытый люк, что-то поправила на Генке и, снова улыбнувшись, сказала:

— Вот и все. Давление воздуха будет меняться по мере изменения нагрузки. Спокойно лежи, и все будет в порядке. А чтобы скучно не было,- Нина щелкнула выключателем,- наблюдай за посадкой. Может, пригодится когда-нибудь.

Она еще раз оглядела его и захлопнула крышку люка. Генка остался один.

Прямо над головой голубел экран телевизора с цепочкой настроечных выключателей. Из репродуктора слышался шорох, обрывки чьих-то разговоров.

Вначале на экране ничего не было видно. Потом замелькали цветные полосы, и вдруг Генка увидел овальный край яркого красноватого шара на фоне черного звездного неба. Шар медленно вращался, приближаясь. Генка различил сине-зеленые пятна, блестящую белую шапку изрезанных трещинами льдов. Затем густая тень скрыла планету.

«Внимание! — раздалось над головой. — Включаются двигатели правого разворота». Голос стих. Вместо него послышался далекий гул, и тело налилось тяжестью. На экране опять появилось звездное небо и плавно поплыло влево.

«Начинаем торможение», - вновь раздался тот же голос. Далекий гул стал громче, перешел в непрерывный рев, и 'тяжесть, придавившая грудь, увеличилась.

Однако дышать было легко. Генка удивленно всматривался в экран телевизора, ожидая увидеть марсианский космодром, но перед ним по-прежнему горели россыпи ярких звезд.

Рев двигателей все усиливался. Даже в противоперегрузочной камере Генка ощущал мелкую дрожь корпуса ракеты.

Незаметно перегрузка кончилась. Тяжесть, давившая грудь, исчезла, но рев не утихал.

Внезапно за стеной послышался скрежет. Корабль качнулся, и рев смолк. От неожиданной тишины зазвенело в ушах, но тут четкий голос («Алексей Никитич», - догадался Генка) спокойно произнес:

— Посадка совершена благополучно. Поздравляю вас, товарищи, с прибытием на Марс. Экипажу корабля собраться в отсеке управления.

Не в силах сдержать нетерпение, Генка распахнул люк и вылез из камеры. К нему уже спешила Нина в своем серебристом комбинезоне. Возможно, она даже не одевала противоперегрузочного костюма. «Меня одела, а сама не успела», - подумал Генка, и ему стало неловко. Словно угадав его мысли, Нина рассмеялась и пояснила:

— Я уже сняла костюм, а отлеживаться в камере мне было некогда. У меня ведь тоже есть рабочее место, где я должна находиться во время посадки.

Она помогла Генке снять доспехи и, как маленького, повела за руку в «боевую рубку». Невесомость исчезла. Шагать, твердо ступая по полу, было очень приятно. Вещи приобрели вес, и только сейчас Генка почувствовал, что плоский аварийный баллон с кислородом оттягивает пояс.

Алексей Никитич давал последние распоряжения. Едва он кончил, все заторопились, и в отсеке остался один Генка. Алексей Никитич поманил его пальцем, усадил перед экраном и, предупредив, чтоб он ничего не трогал, тоже вышел.

На экране виднелась песчаная равнина, поросшая кое-где низкой голубоватой травой.

Вздымая облака розовой пыли, по песку промчался приземистый вездеход. Какой-то человек в скафандре с круглым прозрачным шлемом высунулся из люка вездехода и махал рукой. Вездеход пересек захваченное экраном поле и скрылся — очевидно, подъехал к «Дружбе».

В коридоре затопали. Послышались громкие приветствия, возбужденный говор. Потом вездеход промчался обратно, а за ним неизвестно откуда взявшиеся еще два. Эти были побольше и походили на автобусы.

Почти час Генка в одиночестве сидел у телевизора, но ничего нового больше не увидел.

Потом в коридоре опять прозвучали шаги, и в отсек вошел Алексей Никитич.

— Что, скучаешь? — заговорил он с порога. - А тебе повезло! Через несколько часов на Землю отправляется корабль «Нептун-2». Прямо в Минск. Так что ты уже послезавтра увидишь своих родителей и товарищей. Доволен?

Генка хотел было сказать, что на Земле его никто не ждет, разве только маленький Бела разыскивает своего нового друга на тенистых улицах, но почему-то промолчал.

Грустный, он спустился вслед за Алексеем Никитичем по узкой лестнице и прошел сквозь спаренные люки прямо внутрь тесного вездехода. С легким шорохом задвинулась металлическая дверца, и вездеход тронулся. Даже космического скафандра Генке не пришлось одеть.

Глухо гудя электромотором, вездеход за несколько минут доставил их к белому приземистому зданию с прозрачным куполом и, круто развернувшись, прижался задней стенкой к входному люку. Зашипели пневматические присоски, дверца раскрылась, и доктор Сергей Ильич протянул руку, помогая Генке перешагнуть высокий порог.

— Вот и кончилась первая половина неприятностей! — Глаза доктора весело смеялись и ободряюще подмигивали. — Мы уже послали телеграмму в Минск. Там объявят по радио, чтобы твои родители не беспокоились и ждали тебя послезавтра. Я передал и результаты твоего обследования. Несколько недель ты полечишься в профилактории, и все встанет на свои места. Так ведь, малыш? — Доктор дружески потрепал Генку по волосам.

Что мог Генка ответить добродушному доктору!

После обеда Нина усадила его в вездеход и повезла покататься. За окном пробегали пологие холмы скучного ржавого цвета. Изредка под колесами потрескивал стелющийся кустарник с мелкими иглообразными листьями странного фиолетового цвета. Вдали синела полоска более высокой растительности, но Нина к ней не подъехала.

— Там болота, — коротко пояснила она и продолжала: — Пока еще на Марсе неуютно. Заводы по восстановлению воздуха только начали работать, но через десяток лет здесь будут сплошные сады! Впрочем, — перебила она себя, — об этом знает каждый школьник.

Генка, кстати сказать, ничего подобного не знал, но признаться постеснялся. Молча разглядывал он чужое небо, бурю равнину, изрытую волнами сыпучего песка.

Усиливался ветер. Мелкая пыль клубилась над низкими холмами, и надо всем этим висело небольшое, не похожее на себя, словно остывшее солнце.

Свободно придерживая глянцевый полукруг штурвала, Нина тихонько что-то напевала и рассеянно поглядывала вперед. Генка уловил знакомую мелодию. Он быстро повернулся и встретил испытующий взгляд девушки. С трудом вспоминая слова, Нина пела старую песню о минских автозаводах. Несколько секунд Генка прислушивался к знакомой песне, потом стал подпевать, сначала неуверенно, а чем дальше, тем громче и веселее: «...И бежит острогорый зубренок по асфальту дорог».

Он пропел полный куплет и только тогда заметил, что Нина с изумлением и даже с какой-то тревогой смотрит на него. Он смолк, в ожидании вопроса повернулся к Нине и хотел было начать рассказ о своих приключениях, но Нина ни о чем не спросила и с преувеличенным вниманием стала разглядывать песчаную пустыню.

Уже когда они возвращались, Нина сказала:

— Моя вторая специальность — нотный библиолог. Это очень старая песня, и ты первый из всех моих знакомых, кто знает ее.

В огромном зале отдыха станции имени Юрия Гагарина Генку встретил светловолосый, совсем молодой еще здоровяк — капитан грузового межпланетного корабля «Нептун-2» Михаил Антонович Дубрава. Он приветливо поздоровался с Генкой и познакомил его со своим экипажем: механиком по электронному оборудованию Алексеем Лисянским, которого все звали просто Алешей, и молчаливым штурманом Григорчуком — дядей Юрой. Сразу же после этого Дубрава и Григорчук ушли, а Алеша повел Генку в кинозал.

Они не успели просмотреть и половины фильма, как их вызвала Нина и потащила Генку прощаться с экипажем «Дружбы».

Как старому знакомому, Генке пожимали руку, желали счастливого перелета. Доктор посоветовал больше заниматься спортом. Зургаб Сулеймановна обещала прислать карту межпланетных трасс, Нина расцеловала его, и под конец Генка неожиданно для всех и для самого себя даже расплакался.

К счастью, вмешался Михаил Антонович.

— Хватит расстраивать парня! Налетели, обрадовались, что человек отбиться не может! — с шутливой строгостью сказал он и, обняв Генку за плечи, увел к поджидавшему их вездеходу.

...Вот уже несколько часов Генка лежит в противоперегрузочной камере. Межпланетный грузовой корабль «Нептун-2», все ускоряя стремительный полет, с каждой минутой на тысячи километров приближает его к Земле. На экране телевизора, расположенном над головой, мерцает яркая голубая звездочка. Это Земля. Где-то далеко остался пустынный Марс с красными песками и синими кустарниками. Генка не успел его даже рассмотреть как следует. С башни космодрома станции имени Юрия Гагарина он видел у самого горизонта белые корпуса заводов и научных лабораторий. Туда уходили ленты асфальтовых дорог, поехать по которым Генке так и не пришлось.

Провожая его, Алексей Никитич советовал побывать на Марсе лет через десять, когда можно будет без скафандра гулять по просторным степям и знакомиться с памятниками исчезнувших марсианских цивилизаций. Алексей Никитич был уверен, что Генке, как любому человеку XXI века, уже все известно о загадках Марса. А Генка так и не осмелился сказать, что ничего на этот счет он не знает, что в то время, когда он рос и учился, люди только начинали штурм космоса. Он даже о Луне знал лишь то, что можно было увидеть в трубу телескопа и о чем рассказывали драгоценные фотографии, полученные по радио с автоматических многоступенчатых ракет.

Незаметно Генка задремал, а когда проснулся, двигатели корабля молчали. Безмолвный корабль — крохотная песчинка в бесконечных просторах космоса -с огромной скоростью несся к Земле.

Пришел Григорчук и помог Генке освободиться от противоперегрузочного костюма. Они вместе пообедали (или позавтракали — Генка так и не разобрался) питательной смесью из тюбиков.

Очевидно, Григорчук был свободен. Упершись головой в край откидной сетки, он повис в воздухе и о чем-то задумался.

Генка тоже молчал и вспоминал виденное на Марсе. Как мало пришлось ему побыть на этой далекой планете! А если бы еще слетать на Венеру, полазить по скалам лунных гор! Все это доступно теперь для большинства мальчишек его возраста. То, о чем могли только мечтать Генкины товарищи, стало будничным и привычным для молодежи этого замечательного нового общества.

Генка тяжело вздохнул. Григорчук скосил на него глаза.

— Чем это ты так расстроен, путешественник?

— Да так...- Генка замялся.- Вот думаю, дядя Юра, как неинтересно было раньше, ну, хотя бы в середине прошлого века. Ни межпланетных кораблей, ни бесплатных кинотеатров...

— Как это неинтересно! — Григорчук хотел сесть, но вместо этого взлетел к потолку и

ударился о надувную подушку. Оттолкнувшись, он опустился рядом с Генкой и пристегнулся к креслу.- Ты соображаешь, что мелешь? •- неожиданно горячо воскликнул он.- Да ты же не историк, а начетчик! Вот про папиросы и цены на хлеб ты запомнил... А знаешь, какие замечательные люди жили в то время? Знаешь, что такое война? Война, в которой народ Советского Союза выстоял против фашистских полчищ. И не только выстоял, но и победил! Победил для того, чтобы мы с тобой сейчас забыли само слово война. А строители коммунизма! Разве легко им было в окружении всяких капиталистов-империалистов и других поджигателей отстаивать дело мира на земле и строить, понимаешь, строить при этом все то, что делает нашу с тобой жизнь такой интересной и радостной? Вспомни покорителей целины, героев коммунистических бригад, первых космонавтов. Разве не они проложили дороги, по которым мы теперь так свободно шагаем? А ведь им было нелегко, они были первыми, они не всегда были уверены, что смогут увидеть плоды своей работы. Их вдохновляла великая вера в торжество коммунизма, в наступление того прекрасного «завтра», в котором мы с тобой сегодня живем. У них, у этих замечательных людей героического двадцатого века, мы учимся любить и побеждать. С них, с людей двадцатого века, мы берем пример стойкости и коммунистической сознательности. Потому что именно они создали первое в мире социалистическое государство и им принадлежит заслуга создания коммунистического общества на всей планете. А ты...- Григорчук даже махнул рукой и, не найдя нужных слов, насмешливо закончил: — Эх ты, историк!..

Генка сидел с опущенной головой и не мог ничего ответить. Горячая речь сдержанного Григорчука ошеломила его, заставила по-новому взглянуть на своих современников. Та же мысль, что тогда, на улице Первых космонавтов, сверлила мозг: только бы очутиться опять среди своих товарищей, только бы разыскать эти злополучные «Диогеновы часы» и вернуться в свой родной 1962 год. Уж тогда он сделает все, чтобы быть достойным будущих людей коммунистического общества.

Григорчук вышел. Погруженный в свои мысли, Генка даже не заметил его ухода. Он торопился к Земле. Бесцельно порхая по тесной каюте, Генка представлял себе все то, что он сможет сделать для приближения коммунизма. Память услужливо подсовывала то Величественные корпуса строящихся электростанций, то стройные ряды станков в цехах заводов, то школьные парты со склоненными над тетрадами лицами.

А межпланетный корабль, пожирая миллионы километров, несся между тем вперед, туда, где, мерцая в голубой дымке, поворачивалась на восток планета Земля.

Как Генка и ожидал, на космодроме его никто не встретил. Командир «Нептуна-2» Михаил Антонович предложил ему лететь вместе со всем экипажем в город на вертолете. Генка, разумеется, согласился.

Электровертолет, негромко гудя широкими лопастями двойного винта, плавно взмыл вверх, и за окном, далеко внизу, поплыли зеленые ковры лета, желтоватые поляны, отражения голубого неба в неровных зеркальцах озер.

Дорог почти не было видно. Только многочисленные тропинки, извиваясь, разбегались в разные стороны от круглых площадок микроаэродромов. Пашни тоже почти не встречались. Из киножурнала, просмотренного на станции Юрия Гагарина, Генка уже знал, что основная масса пищевых продуктов изготавливается теперь промышленным путем. Только некоторые зерновые культуры высаживаются на специальных полях, расположенных за пятидесятикилометровой пригородной лесной полосой.

Зато садов было много. Ровные их квадратики с белеющими кубиками дач встречались поминутно. Возле некоторых из них видны были стадионы и плавательные бассейны. По-видимому там были молодежные и спортивные лагеря.

Город начался незаметно — как по волшебству выступил из моря зелени четкими полосами плоских крыш. На крышах виднелись какие-то будочки, цветники, беседки. Кое-где на специальных площадках стояли маленькие вертолеты.

На одну из таких площадок опустился и вертолет с экипажем «Нептуна-2». Лифт доставил космических путешественников в круглый, уже знакомый Генке зал Центральной станции городского метрополитена — Цесгома, как называли ее здесь. Михаил Антонович хотел было отвести Генку прямо домой, однако тот вежливо, но решительно отказался. Григорчук, прощаясь, задержал Генкину руку и негромко сказал:

— Будь здоров, Геннадий. И помни: когда изучаешь историю, предметы и вещи не имеют значения сами по себе, а лишь помогают лучше понять тех, кто их создал и кто пользовался ими.

— Я все понял,- глядя ему в глаза, тихо ответил Генка.- Спасибо, дядя Юра!

Глаза Григорчука потеплели, он еще раз тряхнул Генкину руку, но больше ничего не добавил.

На Центральной станции метрополитена Генка через справочный автомат навел нужные справки и спустя десяток минут выходил уже из подъезда большого дома напротив нужного ему «Пункта обмена обуви и одежды».

С замиранием сердца он миновал пустой передний зал и вошел в раздевалку. Здесь переодевались несколько мужчин. Неверной рукой Генка откинул

Крышку ящика «Для старой одежды», и сердце у него дрогнуло. Ящик был пуст. Один из мужчин что-то сказал Генке, но он не расслышал.

— Да что с тобой, мальчик? — полуодетый мужчина потряс Генку за плечо. Генка медленно повернулся и невидящими глазами посмотрел на мужчину.

— Вещи тут, в карманах оставались...- пробормотал он.

— Ну и что? А на «Столе находок» ты их не поискал? Ведь старая одежда просматривается дежурными, и все забытые в карманах вещи выкладываются на «Стол находок».

— Где этот стол? — встрепнулся Генка.

— Вон, у стены,- изумленно развел руками мужчина.- Да ты, никак, с луны свалился.

— С Марса,- весело ответил Генка, увидев знакомые «Диогеновы часы». Желтая цепочка, собранная в круглую кучку, бугрилась на листке бумаги. Рядом лежал перочинный нож, увеличительное стекло и забытая копеечная монетка. Генка торопливо сгреб вещи со стола и, запихав их в карман, выскочил на улицу. Кругом были люди. Генка отыскал скрытую кустами скамейку и вынул «Диогеновы часы». Пальцы скользнули по прохладному металлу корпуса и ласково погладили рубчатые головки. На миг Генка подумал, что сначала не мешало бы перекусить, но нетерпение было слишком велико.

Осторожно взявшись за головку точной наводки, Генка оглянулся вокруг и, никого не заметив, с затаенным дыханием чуть заметно повернул стрелку назад.

ГЛАВА VIII,

где Генка обнаруживает дом купца второй гильдии, тщетно разыскивает улицу Республиканскую, которая начинается на Революционной, и наконец попадает домой

Шел дождь. Холодные струйки пронизывали насквозь легкую куртку и узкие брюки, в которые переделался Генка после приземления межпланетного корабля «Нептун-2».

Он лежал на голой земле, возле деревянного, утыканного гвоздями забора. Где-то рядом хрипло лаяла собака. За желтыми, осыпающимися деревьями виднелся добротный одноэтажный дом с деревянным крыльчком и закрытыми ставнями.

Хлопнула дверь. На крыльчке показался худой старикан в длинной, подпоясанной узким ремешком рубахе.

— Я вот тебе! — визгливо закричал он и, схватив стоящую у крыльца метлу, направился к Генке.

— Дедушка, я только спросить, как выйти на улицу Островского? — растерянно забормотал было Генка, но тут старик, изловчившись, огрел его метлой по спине.

— Я тебе покажу Стровского! — продолжал он визжать, замахиваясь для следующего удара, но Генка не стал ждать и, распахнув калитку, выскочил на улицу.

— Шляется тут всякое ворье! — уже издали услышал он голос старика.- Всех вас, басурманов, в кутузку пересажать.

Кривая, мощеная булыжником улица с выщербленными тротуарами и низкими обшарпанными домами чем-то показалась Генке знакомой. По улице тархтела телега. Понурый подросток в долгополом латаном пиджаке равнодушно посмотрел на Генку и стегнул малорослую, с раздувшимся брюхом лошадь. Телега затархтела еще громче. Где-то недалеко гулко ударил колокол, и тоскливый звон медленно поплыл над черными крышами. Очевидно, наступало утро. Улицы оживали. Кутаясь от дождя, в утреннем сумраке мимо Генки торопливо потянулись молчаливые фигуры в замасленных куртках и измятых пальто.

Из дома на противоположной стороне, зевая, выскочила рослая девушка в широкой сборчатой юбке и загремела железными засовами, распахивая на окнах ставни. Генка прошел еще немного и вышел на другую улицу, чуть пошире.

«Немига»,- прочел он табличку на углу и, удивленный, остановился. Улица была застроена сравнительно новыми домами. Почти над каждым домом висели вывески. «Бакалейная торговля Сапожникова»,- прочел Генка на одной из них. На соседней вывеске красовалось: «Шнигер и К⁰ — колониальные товары», а еще дальше на широком листе зеленой жести было выведено только одно слово: «Трактир». Не веря мелькнувшей догадке, Генка со страхом оглянулся и увидел над дверями дома, у которого он стоял, бронзовую табличку с витой надписью: «Дом купца второй гильдии

И. С. Козлова».

Так и есть: он попал в дореволюционный Минск!

В отчаянии Генка торопливо зашагал по узкому тротуару. Неясная надежда влекла его туда, где на улице Обувной, будущей имени Первых космонавтов, должен был находиться его дом.

Пройдя несколько кварталов, Генка вышел на огромный пустырь, по краям которого лепились маленькие покосившиеся домишки, и остановился. К нему, постукивая полированной тростью, приближался высокий мужчина в черной фуражке и опрятном синем сюртуке с блестящими пуговицами.

— Скажите, пожалуйста,- вежливо обратился к нему Генка,- вы не знаете, как пройти на Республиканскую улицу? Ну, на ту, что начинается на Революционной...

Несколько секунд мужчина в упор рассматривал Генку, и лицо его наливалось краской.

— Мерзавец! — неожиданно громко заорал он и больно схватил Генку за ухо.- Большевистский выкормыш! Вот тебе революция, вот тебе республика! — И он несколько раз ударил Генку тростью по голове.

Генка рванулся в сторону.

— Полиция! — оглушительно завопил человек в синем сюртуке, но Генка уже мчался, не разбирая дороги, по пустырю.

За пустырем тянулись грязные немощеные улицы и виднелась насыпь железной дороги.

Миновав насыпь, Генка прошел по засыпанной шлаком и мусором тропинке и вышел к станции. Это было продолговатое каменное строение с дощатым перроном и деревянными столбами, на которых висели громоздкие жестяные фонари. Топая сапогами, по перрону прохаживался толстый городской с длинной шашкой и рыжими прокуренными усами. Генка опасно посмотрел на него и через калитку прошмыгнул на привокзальную площадь. Вместо стройных зданий, знакомых и родных «Минских ворот» за площадью громоздились приземистые серые дома с железными крышами и высокими крылечками.

У здания вокзала с хрустом жевала сено лошадь, запряженная в черную коляску с кожаным верхом. На облучке дремал извозчик.

Генка медленно перешел площадь и, петляя по кривым закоулкам, вышел на главную улицу. «Губернаторская», — прочел он на углу одного из домов. Вдоль улицы тянулись тонкие рельсы, но трамвайных проводов не было. Пока Генка стоял и гадал, что это за рельсы, позади зацокали по булыжнику копыта и его обогнал длинный фургон, запряженный парой лошадей. На возвышении впереди сидел унылый парень в синей помятой форме и сонно клевал носом. Длинный хлыст, словно антенна, покачивался над его головой. Генка посмотрел на нелепое скрипучее сооружение и рассмеялся. «Водитель кобылы» рассеянно оглянулся на него и хлестнул лошадей. Фургон покатился чуть быстрее.

«Какой же тут сейчас год?» — подумал Генка и оглянулся, высматривая, кого бы об этом спросить. Невдалеке он увидел бедно одетого мальчишку примерно таких же лет, как и он сам.

— Ты не знаешь, какое сегодня число?

Мальчик настороженно посмотрел на Генку и, ничего не сказав, отошел в сторону.

— Ты что, немой, что ли? — удивился Генка и, догнав мальчишку, взял его за плечо.

— Чего привязался? — грубо крикнул тот, повернувшись к Генке и сжав грязные кулаки. — В морду хочешь, или как?

— Я же только спросить хотел, — не отставал Генка. — Тебе что, сказать жалко?

Несколько секунд они молча рассматривали друг друга. Настороженный огонек в глазах мальчишки погас, и, посмотрев в сторону, мимо Генки, он уже дружелюбнее произнес:

— Ну, спрашивай.

— Какое сегодня число? — не решаясь сразу спросить о годе, повторил свой вопрос Генка.

В глазах незнакомца опять мелькнуло недоверие. Он испытующе посмотрел на Генку и, отвернувшись, тоскливо сказал:

— Не знаю я никаких чисел. Незачем они мне, я неграмотный.

— Неграмотный? Ты что, никогда не учился в школе?

— А ты, значит, учился? — В глазах мальчишки блеснула откровенная насмешка. — Подумаешь, расхвастался, грамотей! В школе числа научился. — Голос его вдруг стал жестким. — А нам некогда в школах чернилами мазать, надо на хлеб зарабатывать. Вот ты бы не пожрал неделю, так все бы свои числа забыл. Ба-рин! — язвительно, с расстановкой добавил он и, круто повернувшись, ушел. Генка посмотрел ему вслед и зашагал в противоположную сторону.

Посреди одного из кварталов высилась церковь. С колокольни уныло гудели колокола, наполняя улицу тоскливой тревогой.

Поравнявшись с церковью, прохожие останавливались. Мужчины снимали шапки и размашисто крестились, некоторые женщины опускались на колени и земно кланялись.

Важно задрав пышную бороду и не глядя по сторонам, в церковь прошел поп. За ним, причитая, повалила толпа сморщенных старушек и разряженных купчих.

Колокола смолкли. В наступившей тишине хрипло каркали вороны. Вслед за толстяком в меховом, не по сезону теплом пальто Генка поднялся по крутым ступеням и вошел в церковь. Там уже было полно людей. Здоровенный служка в длинной черной рясе продавал желтые свечи.

Толстяк в меховом пальто грохнулся на колени у почерневшей иконы, неразборчиво что-то забормотал и стал кланяться, ударяясь лбом в каменный пол.

Икона была старая, сквозь облупленную краску виднелись серые доски. На грязноватом фоне выделялись только глаза и лимонные полосы «сияния». Генка до боли прикусил губу, но все же, не выдержал и, прыснув со смеху, выскочил из «божьего храма».

Все еще смеясь, он перешел площадь и зашагал, разглядывая вывески, по кирпичному тротуару. Миновав несколько домов, он услышал запах свежего хлеба. В соседнем доме помещалась булочная.

В животе у него засосало. Генка вспомнил, что давно ничего не ел, и, не раздумывая, зашел в булочную. Прыщеватый приказчик с лисьим лицом и бегающими глазками повернулся к Генке:

— Чего прикажете-с?

Генка посмотрел на поджаренные булочки, круглые румяные баранки и молча проглотил слюну. Лицо приказчика перекошилось.

— Пшел, пшел отсюда, попрошайка! — зашипел он и, вскочив из-за прилавка, вытолкнул Генку на улицу.

За поворотом находился чахлый скверик. На единственной скамейке сидели двое и негромко разговаривали. Один — пожилой уже, седоволосый мужчина — держал в руках раскрытую газету. Второй — этот был гораздо моложе — вертел в руках круглую узкополую шляпу.

Тихо подойдя, Генка уселся на краешек скамьи и задумался. Однако донесшиеся до него обрывки разговора заставили его насторожиться.

— Значит, все еще бастуют? — допытывался молодой.

— Бастуют,- подтвердил седоволосый,- требуют, чтобы рабочий день продолжался не тринадцать часов, а десять.

— Ну и как?

— Их уже поддерживают табачники и рабочие спичечной фабрики.

— Я слышал, что полиция арестовала зачинщиков. Это верно?

Седоволосый хотел что-то ответить, но увидел Генку, нахмурился и тяжело встал.

— Так я пойду.- Он опять посмотрел на Генку. За ним поднялся и молодой.

— Идемте, я вас провожу немного.- И они ушли в сторону главной улицы.

Генка тоже поднялся и зашагал куда глаза глядят. Рабочих уже не было видно. Навстречу все чаще попадались разодетые в кружева купчихи, чиновницы с надменно поджатыми губами. По мостовой тархтели извозчицьи пролетки.

Над входом в серое широкое здание, самое большое на этой улице, висел черный двуглавый орел. Скрюченные лапы жадно вцепились в ржавый шар и колючую булаву. «Минское городское управление полиции»,- прочитал Генка надпись под орлом и прибавил

шагу. Когда он проходил мимо низкого кирпичного здания с вывеской «Сапожная мастерская», перед ним распахнулась облезлая дверь и на улицу выскочил красномордый дядька в кожаном переднике. Правой рукой он цепко держал за волосы худенького мальчугана, а в левой — потрепанную книжку.

— Ты у меня считаешь, считаешь, я тебя научу грамоте, грамоте! — злобно повторял дядька и, резко взмахивая, бил мальчугана по лицу ребром книжки.

Мальчишка вырывался и жалобно кричал:

— Ой, не буду, не буду больше! Ой, господин мастер, пустите!

Из его разбитого носа капала кровь.

— Как вы смеете! — не помня себя от гнева, закричал Генка и, подскочив к мастеру, вырвал у него книгу.

Не выпуская мальчишкиных волос, красномордый повернулся к Генке, и в налитых кровью бычьих глазах мелькнуло удивление.

— А ты откуда взялся? — хрипло спросил он, и на Генку дохнуло водочным перегаром. — Марш отсюда! — Сильный удар в ухо бросил Генку на мостовую. «Диогеновы часы» вылетели из кармана и упали в грязь.

Дрожа от ярости, Генка вскочил и, зажав машину времени в кулаке, бросился на пьяного мастера. Тот размахнулся было волосатой рукой, но Генка увернулся и что было силы ударил мастера в грудь. Рифленая головка машины времени врезалась в ладонь. Тут же все завертелось в бешеной пляске, тяжелая темнота навалилась на Генку.

Солнечный зайчик скользнул по белой подушке и остановился на лице. Генка заморгал, открыл глаза. Только что пробили часы, и тихий звон медленно таял в комнате.

На кухне негромко позвякивала посуда — мать уже готовила завтрак.

Вот слышались ее шаги.

Мать вошла в комнату и, улыбнувшись Генке, принялась убирать на столе. Первым делом она взяла толстую книгу и всунула в серую картонную коробку. На мгновение над столом мелькнула когтистая лапа ископаемого ящера.

— Это я еще третьего дня для тебя купила, — кивнула на книгу мать и переложила ее на диван. — А ты здорово вчера разоспался. Я уж будила, будила, — засмеялась она. — Так мы с отцом тебя сонного раздели и уложили в кровать.

Скрипнула дверь, и на пороге показался отец в майке, пижамных брюках и комнатных туфлях на босу ногу. Вытирая мокрое после мытья лицо, он подошел к Генке и потрепал его за волосы.

— Вставай, соня!

Ничего не понимая, Генка глянул на судорожно сжатый кулак. В кулаке ничего не было. Машина времени бесследно исчезла. Рядом на стуле висели Генкины брюки и рубашка. Ножик вывалился из кармана и лежал на полу. Из-под кровати выглядывали носки ботинок.

Ничто не напоминало о необычайных приключениях, которые пришлось пережить Генке. А отец тем временем порылся в карманах кителя и протянул Генке большую желтую грушу:

— Ну, герой, хвались, как дела в школе.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

